

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!

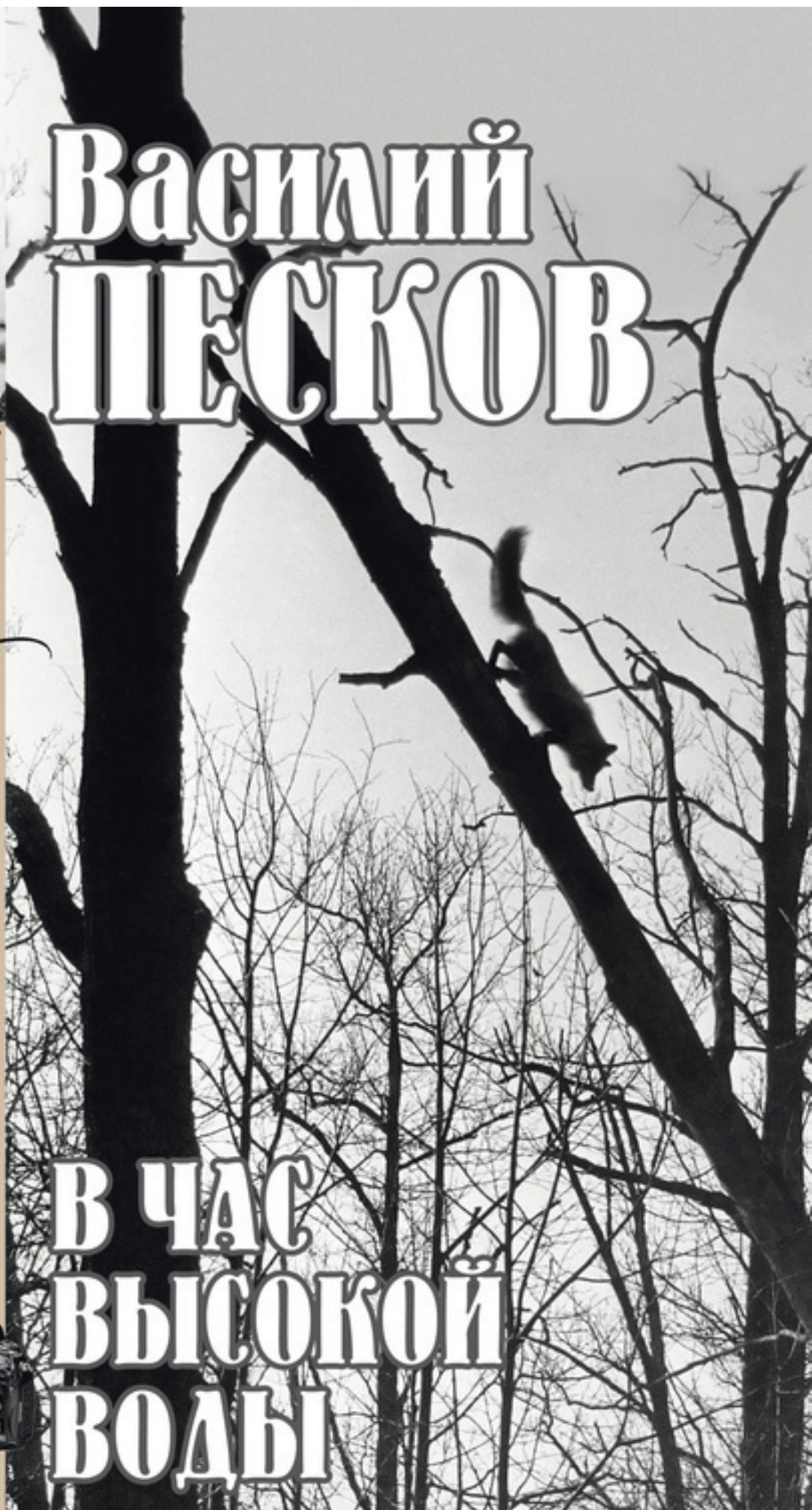
Юлиан

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОНСОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

В ЧАС ВЫСОКОЙ ВОДЫ

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 16. В час высокой воды**

«ИД Комсомольская правда»

2014

ББК 94

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 16. В час высокой воды / В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», 2014 — (Василий Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-892-1

В 16-м томе собрания сочинений обозревателя «Комсомольской правды» Василия Михайловича Пескова читатели вновь встретятся с заметками рубрики «Окно в природу», необычно рассказывающей о привычных и хорошо знакомых животных, живущих с нами рядом, и самых экзотичных обитателях планеты.

ББК 94

ISBN 978-5-87107-892-1

© Песков В. М., 2014

© ИД Комсомольская правда, 2014

Содержание

Предисловие	6
1985	8
Ведьмина метла	8
Почему сохнет дуб?	10
В сорока шагах от медведя	13
В час высокой воды	15
Братцы кролики	17
Кошачий остров	19
На пороге у жизни	22
Жучок-любимец	26
Как вырастали жирафы	29
Бабынинские караси	32
Городские квартиранты	35
Жил-был у бабушки беленький козлик	38
Чувство дома	40
Журавлиный характер	42
Приют в Абакане	44
Три минуты из жизни...	47
Свидание на острове	50
Янтарь	52
Доверие	55
Плѣс	57
Год под знаком козы	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Василий Песков

Полное собрание сочинений.

Том 16. В час высокой воды

1985-1987

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«За две тысячи лет с лица Земли исчезли 106 видов млекопитающих. Но сейчас эта мельница крутится намного быстрее. Возросли технические возможности человека, любая самая недоступная точка Земли стала ему доступной. Возросли претензии человека на территории, тысячи лет принадлежавшие животным. Плуг, нож бульдозера, ковш экскаватора и топор неумолимо сужают мир наших спутников на Земле... Не поздно еще бросить спасательный круг терпящим бедствие. Для этого важно нам сознавать: Земля красна многообразием жизни на ней, и все сущее на Земле имеет право на жизнь».
В. Песков

Предисловие

В этом томе почти все заметки – из рубрики «Окно в природу». Эта рубрика – долгожитель в «Комсомолке». Уже нет с нами Василия Михайловича Пескова, а она появляется раз в неделю обязательно.

Наверное, вам интересно, как она начиналась и почему Василий Михайлович ее придумал?

Вот что он сам писал об этом:

«Окно в природу» утвердилось в «Комсомольской правде» сразу. Началась рубрика с редких фотографий и обширных к ним подписей. А однажды я взялся поразмышлять о любви человека к природе, о счастье этой любви и получил отклик – сразу же несколько сот писем. Я понял, как много людей чувства мои понимают и разделяют.

Для одних лес – это всего лишь деревья, дрова. Если нет грибов или ягод – в лесу им скучно. Для других это мир, полный тайн, красоты, мир, где человека покидают болячки телесные и душевные, где понятие «радость жизни» вдруг становится почти осязаемым. Один мой спутник, когда мы вышли однажды вечером на лесную опушку, вдруг прислонился щекою к дереву и застыл – на глазах слезы. «Ты что?» – «От радости, что вижу все это...»

Есть люди особо чувствительные ко всему, что мы называем природой. У одних выражение этого чувства бурное, буднично-грубоватое – «красотища-то!». Другие в эти минуты боятся обронить слово. И есть люди, душевный инструмент которых и особо чутко воспринимает нахлынувшие чувства, и исторгает их позже так, что дрогнут струны другой души. В русской литературе, живописи и музыке назвать можно много имен, обладавших этим великим даром. Чайковский, Левитан, Фет, Тютчев, Есенин, Пришвин, Паустовский.

Лев Толстой был способен заплакать от радости ощущения жизни. Он говорил: «Счастье – это быть с природой, видеть ее, говорить с ней». Если это так, то как же сделать человека счастливым, сознавая при этом: в понимание счастья входит много другого.

Чувство природы врожденное. И есть оно у каждого человека. Но чувство спит. Кто разбудит его в раннем детстве? Сможет ли это сделать школьный учебник? Вряд ли. Но может умный, чуткий учитель. И этим учителем неожиданно может стать кто угодно – отец, мать (у Горького – бабушка), сельский пастух, охотник, всякий, кто сам был кем-то разбужен. Сильным толчком может стать хорошая вовремя прочитанная книжка. Когда мне было десять лет, чья-то заботливая рука подложила мне томик Сетона-Томпсона «Животные герои». Я считаю ее своим «будильником». Путешествуя по Америке, мы с другом отыскиали дом в полупустынном штате, где жил и умер писатель-натуралист. Для меня это был важный день всего немалого путешествия. Мы посмотрели рисунки и рукописи Сетона-Томпсона, место, где он любил сидеть с индейцами, прошли по тропинке к лесистым холмам, где по желанию писателя развеяли его прах. Благодарность за «пробуждение» я должен сказать и матери, с которой ходил за грибами, и отцу, с которым готовил дрова. С благодарностью вспоминаю речку, на которой мы ребятишками пропадали с утра до ночи, пастьбу теленка... Вспоминаю Самоху, сельского мужика – неудачника в житейских делах, но счастливого. Странно, но я чувствовал его счастье, когда с берданкой своей устало он плелся домой. Я искал случая поговорить с Самохой. И уже морщинистая его душа почувствовала в мальчишке единомышленника. Однажды, присев отдохнуть у нас на крылечке, он стал рассказывать о том, как лежал в поле возле воды – ждал пролета гусей. Не помню сей-

час подробностей стариковского откровения, но чувство радости от него у меня сохранилось поныне.

Знаю, для многих «будильником» чувства природы были: месяц, проведенный летом в деревне (любопытно, что никто не называет пионерский лагерь), хождение по грибы, прогулка в лес с человеком, который «на все открыл мне глаза», первое путешествие с рюкзаком, с ночевкой в лесу... Нет нужды перечислять все, что может озарить, разбудить в человеческом детстве чувство любви, интерес, благоговейное отношение к великому таинству жизни.

Взрослея, важно накапливать знания. Человек умом постигать должен, как сложно все в живом мире переплетено, взаимосвязано, как этот мир прочен и вместе с тем уязвим, как все в нашей жизни зависит от богатства земли, от здоровья живой природы. Школа знаний должна быть у каждого. И все-таки в начале всего стоит Любовь. Вовремя разбуженная, познание мира она делает интересным и увлекательным. С нею человек обретает и некую точку опоры, важную точку отсчета всех ценностей жизни. Любовь ко всему, что зеленеет, дышит, движется, издает звуки, сверкает красками, есть любовь, по мысли яснополянского мудреца, приближающая человека к счастью.

С этими мыслями еженедельно вот уже много лет я открываю «Окно в природу» в газете. Кого-то мои хождения в природу разбудят, вызовут родственный отклик в душе, кому-то доставят минуты радости. Эта радость моя с читателем – общая».

Интересного вам чтения!

Подготовил Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1985

Ведьмина метла

Окно в природу

В одетом лесу ее можно и не заметить. Но зимою видишь издалека и принимаешь за сорочье гнездо – плотный шар переплетенных так и сяк тонких веток. Вблизи видишь, что шар висит, подобно большому плоду, на ветке, и понимаешь: сороки тут ни при чем, происхождение «гнезда» растительное.

Минувшей зимой на одной из берез я увидел шестнадцать шаров различной величины. Один громадный, другие – с футбольный мяч и с кулак. Строение у всех одинаковое: из одной точки в стороны шли живые побеги. В середине шара были плотными, а поверхность – колючий еж.

В народе эти сгустки побегов (чаще всего их видишь на березах и соснах) называют «ведьмины метлы». Наука определяет их как болезнь, свойственную всему живому. По разным причинам: от повреждения насекомыми, механических повреждений (под подозрением также и вирусы) начинается бурный и бесконтрольный рост клеток. Если очаг возникает в древесной массе – образуется плотный нарост, называемый капом. Если лавиной размножаются клетки поверхностные – образуются такие вот метлы. Природа такого рода заболеваний у животных и у растений одинакова. «Ведьмины метлы» так же, как капы, интересуют онкологов. Увешанное «метлами» дерево, конечно, страдает. Но живет долго. В Литве мне показали сосну с огромной «метлой», за которой наблюдают уже лет сорок.

Но встречаются «метлы» происхождения совсем иного. В ветках ивы, осины, тополя, груши, сосны вдруг видишь зеленый сгусток, всегда зеленый – зимой и летом. Это значит – на дереве поселилось растение-паразит под названием омела. Такого рода растительных приспособленцев немало в тропическом поясе. И в наших широтах живет омела. Встречаешь ее нечасто, но всюду. Странный зеленый клубок летом покрывается липкими ягодами. И птицы, особенно дрозды, сейчас же спешат на пир – едят сами и носят ягоды в гнезда птенцам. Проходя пищеварительный тракт птицы, семечко растения-паразита не погибает, сохраняется на нем и клейкая оболочка. Оброненное на ветках дерева семечко прилипает к какой-нибудь ветке, и всё – место для жизни растению обеспечено. Сильным клейким ферментом семя разъедает кору и, прорастая, начинает тянуть из дерева соки.

Но было бы слишком хорошо для омелы приживаться на любом дереве. Природой возможности паразита несколько ограничены. Подобно тому, как кукушка не в любое гнездо может подбросить яйцо, а только туда, где подкидыш не отличат от яиц собственных, омела тоже имеет «свои» деревья. Омела сосновая не привьется на груше, омела, живущая на иве, не живет на сосне.

Поселение на ветвях паразита – несчастье для дерева. Омелы живут, разрастаясь, лет двадцать – тридцать. И все это время дерево кормит своего захребетника... Несимпатичный зеленый ком! Но сложно все в жизни устроено – птицы любят омелу. И людям она оказалась полезной – содержит ценные лекарственные вещества.

Таковы они, «метлы» – черные и зеленые, – хорошо заметные на еще не покрытых листвою деревьях.

• Фото автора. 14 апреля 1985 г.

Почему сохнет дуб?

Окно в природу

«Что происходит с дубом? Всюду видишь засыхающие деревья», – пишет М. Севостьянов из Внукова. Вопрос не первый. Наблюдение верное. В северной части средней полосы гибель дубов повсеместная. Отдельные деревья и целые рощи стоят омертвелыми – кора опадает, белеют скелеты дубов, побитые дровоедами. Весной, когда все одевается в зелень, дубовые сухостои особо заметны.

* * *

У всех народов дуб – дерево почитаемое. За красоту, долговечность и прочность, за урожай желудей.

Дуб в самом деле красив. В плотных дубравах он может быть, как сосна, стройным.

Дуб долговечен. В Москве в Коломенском растут деревья, мимо которых проходило, возвращаясь с Куликовской битвы, войско Дмитрия Донского (1380 г.). В поселке Лыхны (Абхазия) я стоял под дубом, которому тысяча лет. Самым старым деревом Европы считают дуб, растущий в литовском местечке Стельмуже, ему 1500 лет. Это все редкие долгожители, но 300 лет – возраст для дуба довольно обычный.

Дуб крепок. На все долговечное, прочное шло это дерево. Корабли, громадные винные бочки, нижние венцы деревянных построек, мебель, паркет, детали машин – все дуб. Прежде чем строить Исаакиевский собор в Петербурге, забили двадцать тысяч дубовых свай. Дуб в воде хорошо сохраняется, становится даже более прочным. В Воронежской области, на Дону, у села Щучье, обнаружен челн, пролежавший в воде 4000 лет. Он из дуба. Загляните в московский Исторический музей, и вы увидите, как хорошо сохранилась эта долбленая лодка древнего человека. Даже в морской соленой воде дуб сохраняется долго. Фрегат «Паллада» (тот самый, на котором путешествовал Гончаров) был затоплен на Дальнем Востоке. Недавно водолазы отыскали и осмотрели фрегат. Соленые воды и время его, конечно, не пощадили. «Но все, что из дуба, на фрегате сохранилось намного лучше того, что сделано из железа и чугуна», – отметили водолазы.

Семена дуба – желуди – каждый держал на ладони и, конечно, дивился их форме и красоте: шероховатая, аккуратная шапочка, и в ней – гладкий, тяжелый, как пуля, плод. Осенью, когда желуди созревают, со стуком падают с веток, много лесных обитателей устремляются на кормежку. Скачет по веткам белка, хватают желуди клювами сойки. Приходят в дубравы пастись олени. Для кабанов желуди – главный, самый питательный корм. В минувшую зиму я видел тропы, пробитые кабанами к отдельным деревьям в лесу. Снег под ними был перепахан, как плугом. Каким чутьем в ельниках и осинниках находили голодавшие звери дубы? Наверное, по памяти, еще с осени. В опушечной дубраве я несколько раз подряд спугивал уток. Что их приводит на далекое от воды место? Подкараулил, оказалось, в шуршащих дубовых листьях утки искали и жадно глотали желуди.

Ученые утверждают: первым хлебом древнего человека был хлеб желудевый. В юных лесостепных районах дубравы были когда-то обширными. Предки наши «клали на зуб» всё, что давала природа, и, несомненно, ценили питательность желудей. Можно представить, как желуди вымачивали, сушили, поджаривали на огне, и постепенно дело дошло до печения хлеба. При раскопках поселения пятитысячелетней давности (Украина) археологи обнару-

жили печь с отпечатками желудей в глине. Да что древность! В военные годы в наших воронежских селах ели хлеб желудевый: немного муки ржаной, остальная – из желудей. Я и сам ел этот горький военный хлеб. Но спасибо ему, он помогал выжить.

* * *

Итак, дерево, которому в древности человек поклонялся, дерево вековечное, крепкое. Отчего же при такой жизненной силе дубы оказываются вдруг побежденными и ничтожным грибком, и животному мелкотой? Увы, все живое не вечно. И все, потеряв жизнестойкость, немедленно атакуется разрушительной силой всяких болезней – богатырь побеждается мелюзгой, иногда не видимой даже глазу.

Проходя у дубов, спиленных на дрова, обратите внимание: на каждом срезе – тухлявое годовое кольцо, овальная рыхлая полость. Это память дубов об очень суровой зиме

1939/1940 года. Я эту зиму помню. Морозы были за сорок и стойкие, долгие. Погибли в ту зиму сады, погибло все, что боится мороза. Дубы не погибли. Но их жизнестойкость, защитные иммунные силы, как сейчас говорят, были подорваны. Дубы повсеместно стали болеть. А больного, известно, валит любая из новых невзгод. Такой невзгодой оказалась зима 1978/1979 года. Мы помним мороз той зимы – лопались трубы водопроводов, облуплялась краска с трамваев, замерзали в полете птицы, гибли сады. Роковой та зима оказалась и для дубов. Болеть они стали повально. Точнее сказать, с той зимы дубы начали умирать. И, поскольку умирают деревья стоя, картина их гибели на виду.

Означает ли это, что лес навсегда лишился дубов? Конечно, нет. Дубы – деревья теплолюбивые. Наилучшие условия для роста дубов в нашей стране – в лесостепи (самая лучшая лесостепь – западная, не подверженная суховеям). Северная граница дубрав – сплошных дубовых массивов – проходит по Московской области, а к западу – по Калининской, Псковской. Вкраплениями в лесах дубы мы встречаем севернее. Отдельные экземпляры деревьев – даже далеко на севере, на Двине и Сухоне. Это значит, что есть совокупность условий – почва, температура, влажность, где дуб выживает, но это значит и то, что дуб за долгую эволюцию себя «районировал», приспособил к условиям жизни на грани возможного. На этой грани время от времени его настигает беда. Но годы проходят, и павших меняет новое племя. Осмотритесь в лесу внимательно. Среди дубов усыхающих вы увидите деревья крепкие и здоровые. Часть дубов выдержала натиск морозов. Потомство их будет тоже выносливым, жизнестойким. И уже показались в подлеске верхушки дубков молодых. Это то, что природой отобрано для продления жизни. То, что – дайте время – станет новой дубравой.

• Фото автора. 20 апреля 1985 г.

В сорока шагах от медведя

Окно в природу

Этот снимок нашего читателя Мстислава Владимировича Березовского из города Череповец. Снимок великолепный. Медведица после выхода из берлоги обходит обжитый ею участок, а три ее медвежонка открывают для себя мир. Они любопытны, подвижны, как ртуть, – рвутся вперед, но боятся пока что от матери удалиться. Большая удача – увидеть такое. Но сцена еще и снята...

Врач Мстислав Владимирович Березовский был страстным ружейным охотником. На Урале в столовую для строителей Магнитки в 30-х годах он каждое утро поставлял тридцать – сорок уток (были такие охоты!). Охотился он страстно на зверя и птицу. Пережил много лесных приключений – «тонул, по шесть-семь часов сидел на деревьях в укрытии, проходил за день по пятьдесят километров». Но пришло время (у охотников с возрастом это часто бывает), «ружейная страсть» исчезла. Увлечшись фотографией, Мстислав Владимирович вовсе повесил ружье на стену и сделался страстным фотоохотником. У него немало трофеев. Охота на вологодских медведей – особая его страсть. Я получил от него целую папку снимков. И на каждом – медведь. Один копает коренья, не замечая присутствия человека, другой, напротив, встал на дыбы, изучает, разглядывает встречного. Сняты медведи на дереве, возле воды, сняты сквозь ветки, мешающие их как следует разглядеть. Несколько лет потратил фотограф, специально разыскивая медведей. И, как он пишет, «сошелся» со зверем, то есть выдержкой и терпеньем добился такого к себе отношения, когда медведи не нападали и не бежали от человека. Появилась возможность наблюдать их жизнь с расстояния в тридцать – сорок шагов.

Вот эту медведицу Мстислав Владимирович встречал три года подряд. Каждую весну у нее появлялись три малыша.

Случалось, неделю натуралист наблюдал жизнь этой семьи, то теряя ее из виду, то вдруг встречая на расстоянии, небезопасном для наблюдателя. Жили медведи на глухом побережье Рыбинского водохранилища. И медведица-мать частенько водила ребятшек

на берег отыскивать мертвую рыбу. «Я удивлялся, видя, как она отнимает еду у детей, но понял: медвежата кормились еще молоком, рыба важнее была для матери».

Иногда медвежата оставались играть на поляне. И мать уходила за рыбой одна. Не было случая, чтобы медвежата ушли с того места, где их оставили. «Любопытно, что возвращение матери они встречали своеобразно: в мгновение ока оказывались на тонких деревьях. Это инстинкт самосохранения. Медведи-самцы иногда нападают на молодняк. И в минуту, когда не ясно еще, кто приближается, лучше вскочить на тонкое деревцо, куда тяжелый медведь забраться не может. Но убедившись: вернулась мать, медвежата шарами катились с дерева вниз».

Весной звери искали главным образом растительную еду: ягоды, молодые побеги. «Местами дёрн медведица скатывала в рулон, обнажая коренья. С удовольствием вся компания копалась в муравейниках. Раза два фотограф заставал ее возле остатков лося, зарезанного зимой волками. Когда на осинах листья выросли до размеров пяти копеек, медвежата с удовольствием их поедали – медведица сноровисто нагибала, ломала молодые осинки малышам на потраву».

«Бывали критические ситуации, когда я случайно оказывался слишком близко от медвежат. И думал: в этот раз нападет, а в руках у меня только фотокамера. Но медведица спокойно уводила малышей. И я понял: она привыкла ко мне, ведет себя осторожно, но не страшится».

В каждый подходящий момент Мстислав Владимирович старался снимать. Но очень трудное дело – съемка в природе: то свет не такой, то ветки мешают, то поза у зверя неинтересная. «Однажды медведица повела малышей на рыбалку. Я скрытно перебежал вперед и занял позицию, ожидая, что семейство пройдет по открытой поляне. Так и вышло. Задыхаясь от возбуждения, я сделал пять «фотовыстрелов». Такова история фотографии.

Мстиславу Владимировичу – 73 года, возраст – почтенный для такого рода охоты. Но глаз фотографа верный, ноги носят его хорошо, понимание природы, мудрое к ней отношение накоплены жизнью. Будем ждать от череповецкого следопыта новых вестей.

• Фото из архива В. Пескова. 27 апреля 1985 г.

В час высокой воды

Окно в природу

Половодье после снежной зимы ожидалось рекордно большим. Но морозы в апреле снег «подсушили», и мещерский разлив был лишь немногим выше обычного. И все же воды для лесных обитателей нахлынуло бедственно много.

С директором Окского заповедника Святославом Приклонским мы пробились на лодке в уголок леса, где обычно на маленьком острове пережидали паводок зайцы. Случалось, сушу делили с зайцами барсуки и еноты. На этот раз острова не было. Из воды торчали верхушки сухой травы. На кустах и в развилке одиноко стоящего дуба белела шерстка – кто-то спасался от наседавшей воды. Мы огляделись, и на обломке березы обнаружили зверя в лохматой шубе. Он без особой боязни разглядывал лодку. Но нашу попытку прийти на помощь понять не мог: на коротких ножках тихо прошел по березе и, оглянувшись, поплыл. Енотовая шуба неплохо держала пловца на воде.

«Пахнет псиной. Наверное, где-то лиса...» И тут же мы оба сразу ее увидели. Лиса лежала, свернувшись на верхушке двухметрового пня – светло-рыжий комочек, отраженный в воде. В бинокль было видно два сверкающих глаза и торчком стоящие уши. Лисицу поймать трудней, чем енота, и мы решили лишь сделать снимок.

Лизавета нас подпустила метров на двадцать. Когда алюминиевый наш барабан грохнул, толкнувшись в корягу, она встрепенулась. «Сейчас прыгнет сверху и побежит...» Нет, Лизавета скакнула на чуть наклоненно стоявший дуб и в три секунды оказалась у самой вершины, на тонких сучьях. Услышав рассказ о таком, не поверил бы: лиса на верхушке высокого дуба! Но вот она перед нами. Ее принял бы за громадную белку. Высота примерно пять этажей над водой. Сидела надежно. Свисавший хвост чуть подрагивал, выдавая волнение лисы. Мы снимали ее так и сяк, но чувствовали: снимок будет неубедительным – не ясно, что там за зверь наверху. Вот если бы побудить верхолаза спуститься тем же путем по наклонному дубу, тогда будет видно: это лиса. Померив веслом глубину, я опростал отвороты сапог и spryгнул в воду. Мой спутник на лодке, описав полукруг, стал приближаться к дубу, оставляя лисице единственный путь отступления. Лодка причалила прямо к дубу. Сиди спокойно лиса наверху – не видать бы нам редкого снимка. Но нервы сдали. Лизавета спустилась к наклонному дубу. Глядя вниз, минуты три она размышляла. Наверное, взобраться вверх было для нее легче, чем акробатом по крутой горке пролететь вниз к воде. Я держал объектив наведенным на нужный участок наклоненного дерева. Человеческий голос внизу заставил лису решиться... Один раз всего успел нажать я на кнопку и, проявляя позавчера пленку, волновался: что там, на снимке? Как видите, все получилось. Хорошо видна высота, видны характерные очертания зверя... Сбежав вниз, лиса бултыхнулась в воду, чуть проплыла и вскочила, энергично отряхнув с себя влагу, на ольховый кобёл. Тут мы увидели: лиса половодье пережидала не в одиночестве. На валежнике, прильнув к ней всем телом, лежала еще одна Лизавета. Ничем не выдав себя, четверть часа она следила за съемкой.

Обе лисы не выглядели заморенными. Это заставило вспомнить о зайцах, возможно, попавших в эту компанию. Но больше всего в тот день вспоминали мы акробатику лис. На низких сучьях во время разливов их видели тут не единожды. Можно даже предположить: ежегодные наводнения сделали врожденной способность здешних лис залезать на деревья. Но чтобы так высоко... Это все-таки исключительный случай.

• Фото автора. 4 мая 1985 г.

Братцы кролики

Окно в природу

Обликом он похож на молодого зайчонка. Но старый заяц заметно отличается от кролика, хотя налицо и заметное их родство. Образ жизни двух грызунов различен. Заяц держится избранной территории, знает ее досконально – ходы, выходы, лазы, убежища, но дома он не имеет. Спит, где застанет его непогода или усталость. Кролик же домовит, у него нора, и он от нее далеко не рискнет удалиться. Чуть что – домой.

Заяц живет во многих климатических зонах, вплоть до тундры. А кролик южанин любит тепло. Его отечество – южная часть Европы.

Знатоки, сличая характер двух грызунов, в резвости, сообразительности, хитрости отдают предпочтение кролику. От зайцев домашних животных вывести людям не удалось, а кролики дали немало различных пород. Лопухие, грузные, малоподвижные жители клеток ведут начало от такого вот юркого, резвого грызуна-землекопа. Но важно заметить: дикое их наследство сейчас же берет свое, как только кролики оказываются на свободе. Потомство их от поколения к поколению быстро теряет все, что выгодно было человеку-селекционеру, и восстанавливает облик дикого кролика – подвижного, небольшого зверька с покровительственной окраской. В Серпуховском районе есть у меня знакомый лесник, весной выпускающий кроликов на свободу. Они благоденствуют – вся земля у кордона в их норах. Лесник на них охотится, как на зайцев, стреляя прямо с крыльца.

У кроликов в природе несчетно врагов – их нещадно преследует человек, во время ночных кормежек их ловят совы, в норах их настигают хорьки и куницы. Никакая Красная книга не могла бы их защитить. Их защита – громадная плодовитость: 4 – 12 крольчат каждые пять недель. Если учесть, что молодые быстро взрослеют, пара кроликов за короткое время дала бы миллионное потомство. Однако надежная узда сдерживает этот биологический пожар.

Ну а если бы пара кроликов очутилась там, где врагов у них нет? Ответ на вопрос дан самой жизнью. Кролики, опрометчиво завезенные в Австралию и Новую Зеландию, размножились так быстро и в таком громадном количестве, что стали бедствием. Их проклинали и истребляли, как саранчу, пожиравшую зелень...

А отдельно каждый зверек – сама симпатия. Этот снимок, сделанный немцем Георгом Кваденсом, нуждается в пояснении. Фотограф караулил момент, когда законный хозяин выглянет из норы. Но неожиданно из подземелья полетели пух, перья, и одно за другим, как камни, стали выкатываться яйца. «С видом победителя на свет божий появился кролик», – сообщает фотограф.

Что же произошло? Некоторые утки селятся в норах. Огари – в норах лисиц, утки пеганки – в тоннелях кроликов. Обнаружив в своем жилище непрошенных квартирантов, обычно кролики роют новую нору. Но, бывает, даже и в кролике может проснуться чувство протеста: мой дом – моя крепость!

• Фото из архива В. Пескова. 19 мая 1985 г.

Кошачий остров

Окно в природу

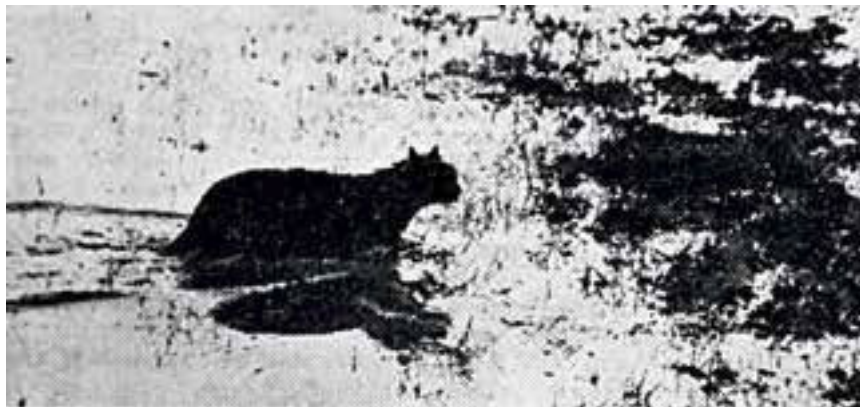
«Выпадает первый снежок, и они тут как тут, собираются на кордоне. Штук восемь – десять. Забираются на чердак, лезут на сеновал, прячутся в сени. Однажды через трубу прямо в кастрюлю одна угодила», – так курский лесник жаловался мне на нашествие кошек в его сторожку.

От лишних кошек в деревнях избавляются просто: сажают в мешок, уносят в лес и там выпускают: сможешь – живи. Деревенские кошки не чета городским, живущим взаперти неженкам. Деревенская кошка ловит мышей, воробьев (случается, и цыплят, за что, кстати, и попадает в мешок). Оказавшись в лесу, с голоду она не умрет и очень скоро даже оценит преимущества дикой жизни. Мышей в лесу много, а кроме того, птичьи гнезда и сами птицы. Но приходит зима, и кончается для кота масленица – холодно, голодно. Со всех сторон сбегаются кошки к лесной сторожке.

Но вот удивительный случай: кошка перетерпела зиму в лесу, причем не мягкую зиму и снежную. В Окском заповеднике при учете зверей по следам обратили внимание на странные отпечатки на снегу. Гадали: кто бы мог быть? Решили, что норка. Странный след встречался еще не раз, и никто не подумал даже, что это кошка.

Ее увидели в половодье. Весной леса у Оки заливаются на громадных пространствах. И лишь «горы» остаются сухими. Горами зовут тут маленькие, незатопляемые островки суши. На одних спасаются зайцы, еноты, лисы. На других токует тетерева. Тимошкина грива – как раз такой островок. Орнитологи заповедника загодя поставили на «горе» шалаш и очень надеялись понаблюдать из него токовище. Но тетерева почему-то на остров не опускались. Бормотали, сидя на затопленных деревьях. Что-то мешало тетеревиным свадьбам. Шалаш? Но он тут торчит ежегодно, птицы к нему привыкают. Стали оглядывать островок и обнаружили кошку. Она пережидала тут половодье, промышляя мышей и, может быть, птиц. Большие тетерева были этому робинзону, конечно, не по зубам. Но распугать их кошка сумела. «Дикий и нелюдимый зверь! Едва мы вышли из шалаша, метнулась в воду и поплыла к дереву», – рассказывали орнитологи.

Утром мы сговорились посетить остров. В море воды увидели его, когда подплыли вплотную – полоска суши с желтой прошлогодней травой и соломенным шалашом. Кругом в воде – ветлы, дубы и липы. Влетели с деревьев тетерева. А где же тот, кто мешает им токовать на земле? Оглядели остров, оглядели шалаш – никого. Еще два раза прошлись по суше – чудеса в решете! – исчезла куда-то кошка. Прикинули так и сяк – уплыть не могла. Стала чьей-то добычей? Невероятно: остров необитаем. Пожимая плечами, уже направились к лодке, как вдруг у самой воды под наклоненным кустиком жесткой травы я увидел кончик хвоста. Он чуть подрагивал.

Поняв, что ее обнаружили, кошка пулей метнулась поперек суши, кинулась в воду, поплыла и уже с дерева глянула желтыми злыми глазами. Это был пушистый, темно-серого цвета зверь, одичавший в лесу совершенно. Мне приходилось видеть на островах в половодье разных других животных. Присутствие человека их, конечно, пугало, но держались они обычно много спокойней. Тут же был маленький тигр. Достань в нем силы, свой остров он бы кинулся защищать.

Подыскивая точку для съемки, я забрел в воду. Но кошка решила, что ее окружают, прыгнула с дерева, проплыла до кустов, но, поняв, что на них удержаться ей будет трудно, вплавь вернулась на остров и спряталась в шалаше.

Кошки воду не любят. Но, как видим, плавают хорошо. Одичание кошки редким не назовешь. Редкость – суметь в лесу пережить суровую зиму... Мы поискали на острове перья и не нашли. Видимо, пищей зимой и теперь, в половодье, служили домашнему дикарю мыши. Это обстоятельство смягчило приговор, который обычно выносят одичавшим собакам и кошкам. Да и жалко терпящего бедствие. Кошке, однако, подобные чувства неведомы. Обнаружив птенцов на гнезде, она-то жалости не проявит... Маленький мимолетный конфликт чувства и долга, которые часто борются в человеке.

• Фото автора. 1 июня 1985 г.

На пороге у жизни

Окно в природу

Начало лета – начало жизни для новой волны пернатых. В гнездах тесно и шумно. Не по дням, а по часам растущие их обитатели просят еды. Родители сбиваются с ног – непрерывно таскают корм. Кое-какие гнезда уже опустели. Но заботы родителей не закончились... Они по-прежнему кормят птенцов, затаившихся в ветках, при опасности подают им сигнал «замереть!», призывают откликнуться, побуждают взлететь: идет приобщение к жизни.

Большинство птиц появляются на свет слепыми, голыми и совершенно беспомощными. Они вырастают и крепнут в гнезде... Их называют птенцовыми. И есть птицы, готовые встретить бушующий яростный мир бытия сразу же по вылуплении из яиц. Этой весной в Москве на одном из прудов лесопарка Тимирязевской академии я украдкой наблюдал за гнездом утки и был свидетелем появления на свет двенадцати ее малышей. Точнее сказать, я видел момент, когда мать соскользнула с гнезда, приглашая едва обсохшую ребятню плыть следом. И вся мелкота отважно ринулась в воду. Пушистые желто-бурые шарики величиною с грецкий орех не только резво поплыли, но сейчас же стали хватать с поверхности пруда каких-то козявок. Я кинул им крошки хлеба – хватают и хлеб. Все двенадцать вели себя так, как будто давно уже знали, что надо делать и как держаться. Материнское покрывание заставляло их немедленно собираться. Но сейчас же кто-нибудь, увлекаясь поиском пищи, отделялся от группы. Обнаружив, что одинок, утенок с писком вертелся на месте. На голос матери он устремлялся не вплавь, а, кажется, прямо бегом – весь вытянут, только лапки в воде.

Часа два наблюдал я за жизнью семейства. Мать все время была начеку. По берегу пруда ходили люди, бегали собаки, вороны перелетали с ветки на ветку, жадно приглядываясь к утятам. Сколько их может дожить до осени и стать на крыло? Немного. Но сейчас они отважно встретили жизнь.

Птицы, способные заботиться о себе сразу с появлением из яйца, называются выводковыми. Птенцы уток, гусей, куликов, куропаток, тетеревов, глухарей появляются в гнезде из яиц почти одновременно и, обсохнув, за матерью сейчас же покидают гнездо. Нельзя без волнения наблюдать, как передвигаются по воде или по суше в травяных джунглях эти крошечные существа. Природа снабжает их покровительственной окраской, их поведение подчинено строгим законам наследственности – по сигналу матери они либо затаиваются, либо сломя голову устремляются на ее призывные крики. Летать они научатся не скоро. Но плавают и ходят много, с поразительной неутомимостью и с самого первого дня жизни.

С первого дня – в гущу жизни! – таков закон выводковых птиц. Иным из них приходится преодолевать еще барьер высоты. Некоторые утки выводят потомство в дуплах деревьев или в дуплянках, повешенных человеком. Обсохнув, птенцы один за другим бесстрашно с большой высоты устремляются вниз. Парашютом им служат пух и перепонки на лапах. Если «десант» задерживается, мать-утка (смотрите снимок) побуждает их быть посмелее. Сама она, будучи птенцом, уже совершала такой полет. Иногда гнездо оказывается далеко от воды, и утка отважно ведет к ней «десант» два-три километра, обходя опасности и препятствия.

В холодные дни птенцы жмутся друг к другу и к матери, чтобы согреться. Бывает, родительская спина служит для птенцов спасительным островком. На спину матери забираются птенцы лебедей и утят. А для чомги обычное дело – возить свой выводок на спине.

• Фото из журнала «Вальд лайф» (США) из архива В. Пескова. 8 июня 1985 г.

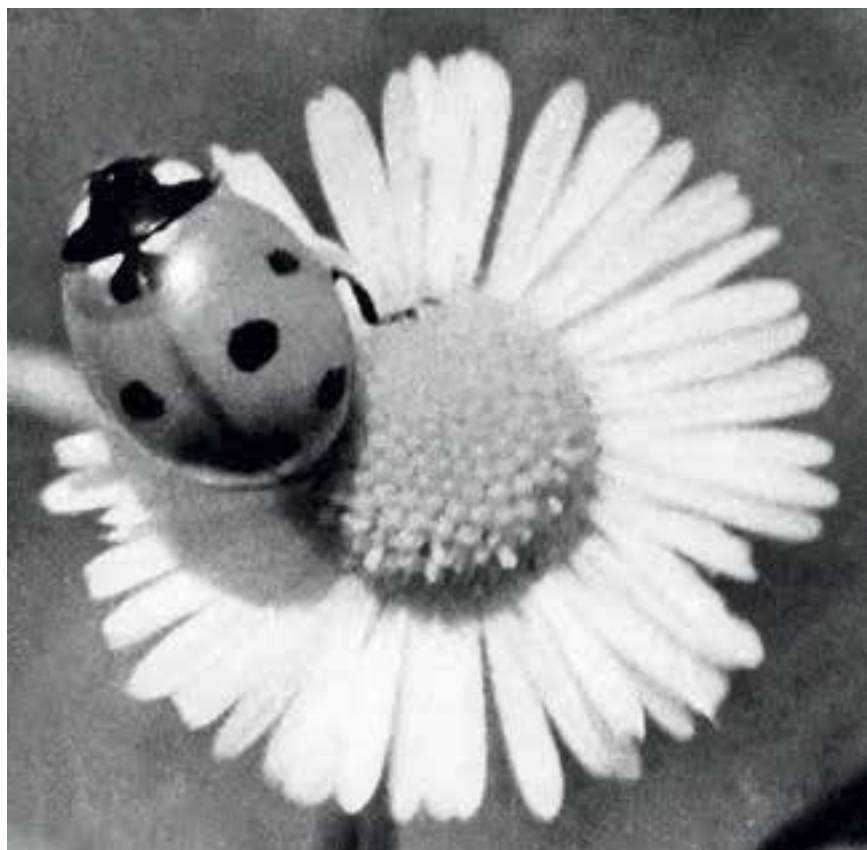
Жучок-любимец

Окно в природу

Минувшей осенью, присев на опушке передохнуть, я долго наблюдал за этим жуком. Приземлившись около ног, он пешим ходом измерил расстояние от подошвы ботинок до моего носа и отправился в обратный путь. Особому исследованию подверг путешественник мой рюкзак. Как теперь понимаю, мешок приглянулся ему для зимовки. Поползав, жук скрылся в недрах мешка.

Вновь мы увиделись в марте, на лыжной прогулке. Я полез в рюкзак за едой и на самом дне увидел красную в точках блестящую пуговку. Жучок был мертв. Немудрено – с рюкзаком за осень и зиму я не раз побывал на лыжне, летал на юг и на север... А вдруг он все-таки жив? Сто смертей мы готовы накликают на тараканов, на мух, но этот симпатичный, знакомый каждому с детства жучок под названием «божья коровка» всегда вызывает добрые чувства. А вдруг он всего лишь спит, оцепенел на зиму? В спичечном коробке я водворил жука снова в рюкзак. И вспомнил о нем уже в апреле в тех самых местах, где хаживал осенью. Вспомнил, увидев на жухлой прошлогодней листве двух загоравших божьих коровок. Сейчас же я достал коробок, вытряхнул жильца на припек. И вот она, маленькая радость воскресных странствий, – жук шевельнул ножкой, пополз и вдруг, подняв красные створки панциря, полетел...

Захотелось узнать: а как же зимуют жуки? Оказалось, осенью божьи коровки заползают в палые листья, в щели деревьев, строений, под крышу, между рамами окон и на зиму цепенеют. С приходом тепла, подобно моему квартиранту, они оживают. Правда, не все, многих губит мороз. Но те, кто выжил, сейчас же спешат продолжить свой род. Восемь сотен аккуратных желтых яичек кладет на листья коровка за лето. Из каждого через пять – десять дней появляется бесцветная, но быстро темнеющая на солнце личинка – продолговатое существо с тремя парами ног. Вся жизнь личинки – непрерывное поглощение тлей – насекомых, сосущих соки растений. Таким образом уже в первую фазу жизни божья коровка зеленому царству приносит громадную пользу.

Таинство превращения личинки в жука скрыто от постороннего глаза. Личинка окукливается. И под кожистой оболочкой за две недели происходит перестройка одного организма в другой. Явившийся миру жук ничего общего, кроме хорошего аппетита, с личинкою не имеет. Цвет у жука вначале бывает желтым. Но при солнечном свете, обсыхая, он начинает темнеть. Подобно изображению на фотобумаге, опущенной в проявитель, на нем выступают черные точки, через двадцать примерно минут жучок обретает ярко-оранжевый с черными пятнами цвет.

Вызывающе яркий наряд – предупреждение птицам: «Не троньте, я не съедобен!» Кровь жучка обжигающая, как крапива. Схватив однажды красавца, птица впредь на него уже не позарится. Что касается лапок, то они у божьей коровки смазаны сахарным соком тлей. (По глупости в детстве мы, помню, лизали этих жучков.)

Чаще всего на глаза попадаете нам семиточечный жук. Но у него много родственников. Всего в мире – 4200, в Европе – 80, в нашей стране – три десятка. Это разные виды божьей коровки. Они различаются общей окраской, характером пятен, а также размером. (Увидите трехмиллиметрового жучка-малютку, не думайте, что это подросток, это взрослая божья коровка, но маленькая.)

Симпатичный жучок! Бывают, однако, года, когда коровок становится вдруг устрашающе много. Они липнут к телу, хрустят под колесами на дорогах, будучи неважными летунами, они падают в воду, и ветер прибывает их к берегу плотной массой. Все это значит: год для коровок сложился излишне благоприятным – благополучно зазимовали, много было тепла и корма, результат: вспышка численности.

Вообще же коровки повсюду – желанные гости. Истребляя тлей, мелких гусениц, червецов и клещей, они приносят здоровье садам, лесам и посевам. Кое-где (в Эстонии, например) божьих коровок специально выводят и выпускают в теплицы. И это лучший способ бороться с тлями на огурцах и посадках цветов.

Таков он, жучок, которого летом вы можете встретить повсюду.

• **Фото автора. 16 июня 1985 г.**

Как вырастали жирафы

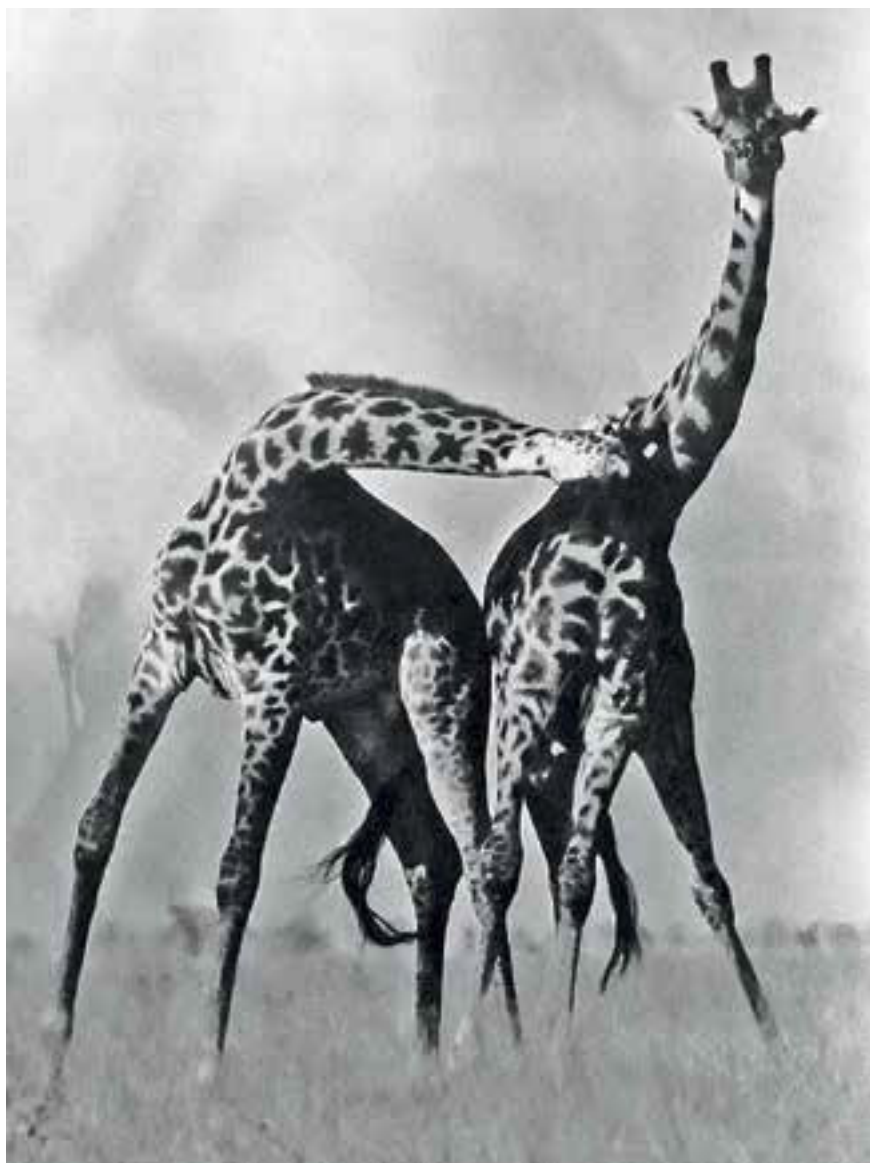
Окно в природу

Своеобразие этого животного так велико, что мы его знаем едва ль не с пеленок – по игрушкам, рисункам, мультяшкам, а в школьной грамматике вдруг встречаем забавное слово с тремя Е – длинношеее животное. Мы уже знаем: это жираф. Откуда такая шея? Ископаемые останки показывают: некогда у жирафа была она вполне умеренная – высота животного составляла два с половиной метра. В шее было семь позвонков. Сегодня жираф заглянет на балкон двухэтажного дома – высота без малого шесть метров. Наверное, увеличилось в шее число позвонков? В том-то и дело, что нет! Их по-прежнему семь. Но они вытянулись. Вытягивалась шея у жирафа (и ноги тоже) тысячи лет. В конкуренции с другими животными за питание листьями кустарников и деревьев побеждали те, кто мог дотянуться возможно выше. Им было легче выжить. Важное качество передавалось по наследству, и вот перед нами длинношеее существо, у которого нет конкурентов за пищу, разве что слон своим хоботом может дотянуться до лакомых листьев.

Крайняя специализация, давая животному преимущества, почти всегда доставляет ему также и трудности. Жираф не может кормиться низкорастущей зеленью. Трудно бывает ему также на водопоях. Шея с семью громадными позвонками не может быть гибкой. Жирафу приходится широко расставлять высокие ноги, чтобы как-нибудь дотянуться к воде. В этой весьма неудобной позе жираф нередко становится жертвою хищников.

Есть и еще проблема. Представляете, на какую высоту должна подниматься кровь к мозгу, каким громадным должно быть давление в кровеносных сосудах! 11-килограммовое сердце жирафа с этой работой вполне справляется. Но вот жираф нагнулся напиться. Голова с пяти метров опустилась до нулевой высоты. Ток крови вниз под громадным давлением должен разрушить сосуды мозга. Однако апоплексического удара (так называли раньше кровоизлияние в мозг) у жирафа не происходит. Удлиняя шею животного, природа создала систему клапанов и «винтелей», не допускающих катастрофы. Кровяное давление в голове у жирафа колеблется, но не сильно.

Длинные ноги и шея дают жирафу преимущество не только в добывании пищи, но также в обнаружении опасности – сверху далеко видно. Этим пользуются смывленные низкорослые зебры. Они держатся возле жирафов. Насторожились головы-перископы – зебры знают: опасность!

Крепка ли, высока ли у тебя шея? Этот важный вопрос эволюции жирафы решают в брачных турнирах. То, что нам со стороны может показаться дружескими объятиями, на самом деле противоборство – чья шея крепче, кто устойчивей на длинных ногах? Длинная шея позволяет наносить и чувствительные удары. Эти поведенческие детали механизма естественного отбора позволяют судить о том, как из обычного невысокого животного постепенно выросло длинношеее существо.

• Фото из архива В. Пескова. 29 июня 1985 г.

Бабынинские караси

Окно в природу

В январе из Бабынинского района Калужской области получил я письмо: «У нас в пруду живут незрячие караси...» Я немедленно откликнулся, попросил подробностей и получил от Абрамова Сергея Дмитриевича второе письмо. «Совершенно безглазые! Жаберные крышки есть, а глаз нет. Но крепкие!.. Мы поступаем с ними обыкновенно – ловим и жарим. Приезжайте – увидите сами!»

В конце мая мы с внуком, прочитав все, что можно, о карасях, дали телеграмму в Калужскую область: «Едем!»

К вечеру добрались в деревеньку С. (не называю ее во избежание нашествия любопытных удильщиков) и встречены были Сергеем Дмитриевичем. Бросив рюкзаки, сразу пошли на пруд.

Это был не пруд, а прудишко, размером с половину футбольного поля. Соорудили его пятнадцать лет назад одним днем с помощью доброхота-бульдозериста. Вся работа свелась к насыпке вала поперек неглубокой балки. Пополняется пруд внешней водой. В первый год пустили в него лукошко мелких красных карасиков и столько же белых. Никакая другая рыба, кроме верхоплавов и карасей, в пруду жить не может – тесен и мелок, промерзает почти до дна. Но караси, спящие зиму в иле, тут прижились. А лет пять-шесть назад стали среди них попадаться незрячие. Они не были, однако, хилыми. Наоборот, в садке скорее изнемогали обычные караси. Слепцы же были на редкость выносливыми. Правда, во время нереста, когда обитатели пруда трутся у травки на мелководье, незрячих ловят местные кошки, предпочитающие рыбу всякой другой добыче.

Забросили снасти. Но поплавки слегка шевелились лишь от игры верхоплавов, клавших на снасти икру. Возлагая надежды на утро, мы раскидали приманку. Сергей Дмитриевич с соседом для верности бросили в угол пруда две верши. И все отправились спать.

Утром пруд дымился туманом. Скорее, скорее удочки в воду... Через час первый карась запрыгал на траве в одуванчиках. Но это был обычный белый карась, глядевший на мир круглыми неморгающими глазами. За ним попался второй точь-в-точь такой же. Третий...

Уже наловлено было с полсотни одинаковых, как инкубаторские цыплята, карасей в половину ладони, когда Николай Иванович нас окликнул: «Вот он, попался!» На крючке висела рыба темно-серебристого цвета, вдвое крупнее пойманных карасей и безглазая. На положенном месте были заметны впадины, словно глаза удалили, и неглубокие ямки заросли плотным, как крышки жабер, костным покровом.

Даже и единичный урод в живой природе всегда у людей возбуждал любопытство, тут же была, как сказал бы ученый, популяция животных с уродством, передающимся по наследству...

Часов с девяти на хлебный мякиш стали дружно идти незрячие караси разных размеров – больше ладони и в половину ее. Вынули верши – их туда на приманку из хлебных корок тоже набилось изрядно. В полдень мы сели на бережку – как следует рассмотреть весь улов.

Первые наблюдения: не попалось ни единого красного карася ни в вершу, ни на крючки. И это было обычным. Никто не знает, есть ли они в пруду, хотя все помнят: красных карасей выпускали. Ловятся караси белые (научное название: карась серебряный). Эта братия в нашем улове не была одинаковой – различались размером, окраской, не всё однозначно было с глазами. Обычный нормальный карась имел глаза плоские. У половины примерно глаза были выпуклые, как у лягушек. Незрячие были все одинаковы. Но попались два экземпляра карасей одноглазых (ловили таких и раньше) – один («лягушачий») глаз есть, другого нет. Все безглазые караси имели окраску более темную, чем обычные.

Поснимали мы карасей так и сяк. (На публикуемом снимке справа – обычный карась, в середине – с выпуклым глазом, слева – безглазый.) Провели мы на месте анатомирование – под жаберной крышкой глаза не оказалось. И, не мешкая, стали собираться в Москву. Улов «для сковороды», чтобы в жаркий день не испортился, Сергей Дмитриевич переложил крапивой, побрызгал водой. А пяток карасей характерных поместили мы в формалин, важно было диковину показать рыбоведам-специалистам.

* * *

Мой подарок озадачил ученых несильно, хотя любопытство было всеобщим. «Ну-ка... Да, действительно совершенно безглазые... ну что же – типичные фенотипы», – сказал генетик.

Прежде чем объяснить мудреное слово «фенотипы» – немного общеизвестного о карасях. Все знают: карась хорош жаренный в сметане! «Уху из карасей варить не следует – пахнет тиной», – писал знаток рыб России зоолог Леонид Павлович Сабанеев. Карась действительно «тинная рыба» – живет в заросших озерах, пойменных бочагах, торфяных ямах, однажды я обнаружил карасиков даже в неглубоком колодце – икру, как видно, занесли утки. Чем хуже заглохший, «заросший» водоем для других рыб, тем лучше он для выносливых карасей, писал Сабанеев.

Караси бывают двух видов: золотые, почти круглые, похожие на тяжелые слитки меди, и серебряные, называемые иногда карасями речными. У этих тело более удлиненное, они меньше, чем золотые, любят копаться в иле, они подвижнее золотых и, что особенно важно отметить в этой беседе, необычно разнообразны по форме. В двух расположенных рядом озерах живут иногда заметно отличные друг от друга серебряные караси. Объяснений этому

много – неодинаковые водоемы, неодинаковая пища в них. Однако гораздо важнее другое: серебряные караси легко скрещиваются с другими рыбами: с линями, сазанами и карпами, например, а также с красными карасями. Мало того, серебряный карась зачастую размножается однополым путем – в водоеме живут только самки. Икра оплодотворяется молоками рыбы иного вида, но слияние половых тел при этом не происходит. Отцовская линия в развитии плода отсутствует – из икры появляются только однополые самки.

Причуды наследственности, нестабильный генетический механизм серебряного карася дает не только вариации по окраске и форме, но также всякого рода резкие отклонения от формы, иначе говоря, уродства: изменение плавников, глаз, чешуи. В различной мере отклонения эти свойственны многим рыбам. У серебряного карася они встречаются чаще. Не случайно именно серебряный карась является родоначальником разнообразных золотых рыбок.

Тысячу лет назад китайцы, заметив частые уродства серебряного карася, стали намеренно их культивировать и вывели рыбок, передающих уродства свои наследству. Пучеглазые телескопы и фантастические вуалехвосты с громадными плавниками, рыбки ярко-красного, черного или пестро-мраморного цвета – не более чем уродцы серебряного карася, продукты прихоти человека. Эти жители аквариумов и небольших бассейнов в дикой природе, если их выпустить, неизбежно и быстро погибнут. Сама природа, порождая уродства, как правило, не дает им развиваться в потомствах, безжалостно выбраковывает. В популяциях карасей, живущих нередко там, где «бракеры» – хищные рыбы – отсутствуют, уродства сохраняются относительно долго. Причем условия водоема провоцируют эти уродства. Недостаток пищи, теснота, ведущая к близкородственному скрещиванию, вызывают наследственные «уклонения». Подобная «игра генов», не поддающаяся исследованию на основе строгих законов, открытых Менделем, озадачивает генетиков. Животных из этого ряда они называют фенотехниками. Бабынинские караси относятся к этому феномену.

Можно предположить, как появилось безглазие. У карасиков, пущенных в пруд, генетическая предрасположенность к уродству была. Скученность в маленьком водоеме привела к имбридингу (близкородственному скрещиванию), и, как следствие этого, пробудились «дремавшие» гены – появилось потомство с хорошо заметным поражающим нас уродством: безглазые, одноглазые, пучеглазые караси. Любопытно, в шести других, больших по размеру, прудах возле деревни С. незрячие караси не встречаются.

А как же жить-то без глаз? Человека, получающего восемьдесят процентов информации из окружающего мира с помощью зрения, феномен бабынинских карасей поражает. Но вспомним, как живут караси. Копание в иле хорошего зрения и не требует, важнее чувствительный нос, обоняние. Обоняние у рыбы незрячей, компенсируя зрение, развивается хорошо. И потом бабынинские безглазые караси заметно жизнеспособней обычных. Будь в воде хищники – окуни или щуки, – незрячим пришлось бы плохо. Но хищников в маленьком прудике нет. Создались условия для процветания, пусть временного, организмов уродливых.

Такие вот размышления вызывают бабынинские караси. Спасибо Сергею Дмитриевичу Абрамову, известившему нас о необычном явлении в жизни природы.

• Фото автора. 6 июля 1985 г.

Городские квартиранты

Окно в природу

Этого рыжего сокола в разных местах Европы зовут по-разному: мышеловка, боривитер, пустельга. В старину его звали еще трясулька. Все, кто видел, как птица, чуть треща крыльями, «ложится» на ветер и зависает в одной точке над полем, уловит в этих названиях смысл. Пустельгой сокол на Руси прозван за пристрастие ловить мышей («пустое дело, ловчую птицу из этого сокола вынянчить невозможно»).

Это действительно прирожденный мышелов, хотя ловит он также сусят, хомячат, ящериц, жуков и даже дождевых червяков («видели, ходит за плугом вместе с грачами»).

Охотник пустельга – неустанный. В день десять – пятнадцать мышей – обычная для нее норма. В «мышинные» годы ловит пустельга за день до трех десятков полевок, прекращая охоту лишь в сумерки, когда на вахту над полем заступают ее конкуренты – совы. Нетрудно представить, как велика польза от этой птицы, как много хлеба помогает она собрать. И потому традиционны ее хорошие отношения с человеком. Пустельга не боязлива. Изредка прямо над головой удастся увидеть ее подсвеченный солнцем веер из перьев. Обеспокоенная, она лишь чуть отлетает, отступает на ветру и вновь зависает, обшаривая глазами землю. Заметив мышь, пустельга парашютирует на крыльях, а у самой земли камнем падает вниз. И вот уже села в сторонке, аккуратно закусывает либо понесла добычу припрятать.

Встречается пустельга повсеместно от южных степей до Финляндии, но чаще эту «висящую в воздухе птицу» встречаем мы в лесостепи, где много корма на открытых пространствах и есть места для гнездовий. Строитель пустельга никудышный. Занимает пустующие сорочьи и грачиные гнезда, а иногда с боем выдворяет из них хозяев. Но всюду, где есть возможность, предпочитает селиться в каменных щелях – на башнях, на старых церквах, на высоких постройках, а также в обширных дуплах деревьев.

Терпимость к присутствию человека, пожалуй, даже доверчивость сделали эту птицу в некоторых местах почти городской жительницей – охотно селится на высоких домах. Нынешние многоэтажные корпуса, глядящие окнами в поле, повсеместно пустельгу привлекают. О гнездах и даже колониях соколов сообщают из Варшавы, Мюнхена, Лондона, Ленинграда, Полтавы. Птицы селятся в чердачных вентиляционных проходах, во всякой удобной щели, даже и на балконах, доставляя людям редкое зрелище – наблюдать за развитием соколиной семьи. Отмечены гнездовья пустельги в окраинных кварталах Москвы. И целая колония соколов устойчиво вот уже несколько лет держится в Зеленограде. Этот город-сад, окруженный полями, не случайно понравился пустельге: укромные места для кладки яиц в домах-башнях соседствуют с угодьями для охоты. Загнездилась сначала парочка соколов (1980 год). Потом две пары. В этом году на заметке пять гнезд, расположенных поблизости друг от друга, – все в вентиляционных чердачных щелях домов.

На днях с оператором телевидения мы четыре часа просидели на чердаке, с расстояния в один метр наблюдая за жизнью гнезда... Четыре птенца-пуховичка дремали на кирпичках, тесно прижавшись друг к другу. Родители, подавая крики тревоги, мелькали в светлом проеме стены. Наконец мать, успокоившись, села на краешек ниши, черным внимательным глазом изучила нас, сидящих рядом с гнездом, потом, поворачивая голову туда и сюда, осмотрела птенцов и, убедившись в их невредимости, стала поправлять оперение, а потом даже малость и задремала. Разбудил ее крик прилетевшего папы. Он был с добычей, и самка слетела ее принять. Мы настроили камеры, ожидая появления матери с мышью. Но она явилась с пушком на клюве – принесенную мышь съела сама.

Еще в момент ухаживания соколов преподносит подружке мышей, доказывая способность прокормить все семейство. Только после этого происходит спаривание. Сидя на яйцах, самка отлетает лишь поразмяться. Корм приносит самец. Но отдает его появившимся малышам только самка. Ей одной понятно, когда и как кормить малышей.

Вот, оглядев внимательно птенцов, мать нашла, что пора бы им подкрепиться. Не дожидаясь появления супруга, она обратилась к запасам. У нас на глазах из щели между кирпичами был извлечен зачочневший вчерашний мышонок. Придерживая еду лапой, мать прямо-таки изящно отделила каждому из птенцов по кусочку. Один из них был активней других. Получив порцию, он запросил добавки. Мать внимательно на него посмотрела и добавила.

Четыре часа сиденья на чердаке без дела порядком бы утомили. Но тут мы не заметили, как пролетело время. Птенцы, просыпаясь, следили за летавшими мухами, пытались их даже ловить. Врожденная способность блюсти чистоту заставляла их время от времени выдвигаться на край гнезда и выстреливать в небо Зеленограда белую пулю. Гнездо, однако, было не слишком опрятным. Птенцы сидели просто на кирпичках, без всякой подстилки. Кругом лежали клочья мышинных шкурок, кости, хвосты. В щели мы обнаружили еще одну припасенную мышь.

Уже в сумерках, пятась, мы удалились вглубь чердака. Пустельга-мама проводила нас внимательным взглядом и осталась на месте. Отец в это время покрякивал где-то над крышей, извещая о принесенной добыче.

Зеленоградцы гордятся доверием соколов. Тут создана самодеятельная орнитологическая служба, опекающая птиц. Возглавляют ее рабочие одного из предприятий Владимир

Климов и его мать Людмила Васильевна. Они наблюдают за жизнью доверчивых поселенцев, колют птенцов. Колючение помогло установить: зимовавшие где-то пустельги возвращаются на полюбившиеся городские квартиры.

- **Фото автора. 14 июля 1985 г.**

Жил-был у дедушки беленький козлик

Окно в природу

В этой истории волк не участвует. Речь пойдет лишь о дедушке и о козлике. Точнее, о козлах.

Пострашнее волка бывают болезни. И одна из них, серьезная, посетила столяра Петрова Николая Павловича, живущего в городе Сходня. Врачи сказали: операция! Но один из них, старичок, возразил: не спешите, попробуйте регулярно пить козье молоко, знаю случаи – помогало. Так, Николай Павлович с лечебной целью завел козу. И, как показало время, не прогадал. Поздоровел. И вся семья его – бабушка, дочка и внучка – оценили достоинства молока. У козы появились козлятки. Их тоже оставили. И теперь у Петровых три взрослые козы, три молодые и среднего возраста и козлик Февраль.

Встретил я Николая Павловича на лужке, сидел он на раскладном стульчике в окружении своих любимцев. У столяра строгое расписание: два часа пастбы утром, два – после обеда. Три раза в день – дойка. Девять литров молока ежедневно. «Три литра – себе. А шесть разбирают соседи для ребятишек. Очередь – список составили».

Всё показал мне Николай Павлович – как доят коз, как кормят, почему послушно они следуют за ним через мост ко двору, какие характеры у его Марты, Белки и Розы, сколько сена и сколько веников готовит на зиму и сколько семей получают желанное молоко. Я тоже в разговоре припомнил: многие в нашем селе во время войны при крайне скудном, почти бесхлебном питании выжили благодаря козам.

Уже после беседы с Николаем Павловичем заглянул я в пожелтевшие книги-справочники, где козьему молоку пропеты хвалебные гимны. «Целебный продукт... Только козье молоко может быть для ребенка полноценным заменителем молока материнского». Приводятся в книге состав молока, богатство его витаминами и минеральными солями, его особая мелкая структура жира, хорошо усвояемого. Было, оказывается, в России в начале века общество козоводов, были лечебницы, где детей выхаживали козьим молоком. В Швейцарии был (может быть, есть и сейчас) санаторий, где людей ставили на ноги без лекарств, горным воздухом и козьим молоком. Приводятся данные также об устойчивости самих коз к различным заболеваниям. Так, например, козы почти не болеют туберкулезом. Во Франции во время эпидемии чумы у скота не пострадали только козы, то же самое отмечено было и на Кавказе.

Еще одно важное по нынешним временам у козы преимущество. Прокормить ее можно там, где корове не прокормиться. Даже на лужке, на приколе, она будет сыта. И на зиму ей надо не бог весть сколько – немного веточных веников, пудов десять – пятнадцать сена, отходы с кухни и со стола.

В пище, которую мы потребляем, самый ценный продукт – молоко. И, конечно, не надо доказывать, что молоко, полученное от собственной козы или коровы, ценнее «треугольного, пакетного», как назвал его Николай Павлович. Корову в личном хозяйстве завести сегодня решится не всякий, хотя те, кто завел, не жалеют. А коза придется ко двору многим. Маленький разговор о козе – напоминание: она существует не только в сказках.

• Фото автора. 21 июля 1985 г.

Чувство дома

Окно в природу

Было время майских жуков. Перед самым закатом солнца мы шли по опушке и вдруг увидели парочку кабанов. Две любопытные морды были обращены в нашу сторону. Мы замерли, ожидая, что свиньи нырнут в орешник. Но звери подпустили к себе вплотную, не проявляя ни малейшего беспокойства. И тут мы увидели: кабаны гуляли в человеческом обществе – на пенечке, опираясь на палку, сидел лесник. Оказалось, два кабана целый день странствовали в лесах и теперь возвращались домой – лесник вышел их встретить...

Кордон Борщевня стоит близ Оки. Во время весенних разливов из окошка кордона видно море воды. Позапрошлой весной на маленьком – пять на пять шагов – островке лесник в бинокль увидел двух крошечных кабанят. Едва рожденные, они застигнуты были стихией. Лесник успел добраться на островок до того, как вода его скрыла, и принес домой двух полосатеньких поросят. Каждый был с рукавицу. Молоком из соски, кашей и молодой крапивой сироты были вскормлены и стали расти здоровыми, крепкими кабанями, получившими имена Чуша и Хрюша.

Лесник мудро решил не делать из зверей пленников. Лес – рядом, ворота в загоне открыты – выбирай себе жизнь по душе. Свободу кабаны оценили – каждое утро трусцой выбегали из загородки и исчезали в лесу. Но к вечеру той же легкой трусцой они возвращались в загон, давали себя почесать, поласкать, принимали подсоленное угощение. Постепенно радиус странствий Чуши и Хрюши стал расширяться. Их видели в двенадцати километрах от кордона. Несомненно, они встречали в лесу сородичей и могли бы пристать к какой-нибудь группе. Но нет, близко к сумеркам брат и сестра неизменно появлялись возле кордона и под громкий собачий лай пробегали в открытый загон.

Собак на кордоне у лесника Бруцкуса две. Овчарка, находящая нетерпимым присутствие кабанов во дворе, и маленькая дворняжка, у которой с кабанями возникла – не разлей

вода – дружба. Собака покровительствовала поросятам, пока они были малютками. Потом кабаны стали больше своего покровителя, но привязанность не угасла. Три друга вместе шастали по лесам. Был случай – собака спасла кабанов. Они попали в загон к охотникам. Но выстрел не прогремел: «Это ж кабаны Бруцкуса!» – понял, увидев собаку, стрелок.

Можно только предполагать, в каком положении оказывалась собака, когда трое друзей попадали в суровое общество диких сородичей Чуши и Хрюши. Гостеприимства наверняка не было. Собака в лесу для всех животных – существо нежеланное. И лесник, к великому огорчению дворняжки, посадил ее на цепочку. Вся радость жизни теперь для собаки сводилась к ожиданию друзей. И они возвращались. Если бы у дворняжки были часы, она могла бы их проверить – в восемь вечера раздавалось приветственное похрюкивание.

Из лесу кабаны приносили запах болот, запах общенья с родней. Что мешало двум кабанам однажды остаться на ночь в лесу в компании себе подобных? Почему стремились они на кордон, где лают собаки, трещит мотоцикл и пахнет дымом из печки, сложенной во дворе?

Есть такое понятие «чувство дома». Оно свойственно человеку, оно свойственно и животным. Это чувство заставляет голубей возвращаться на голубятню с громаднейших расстояний. Известны поражающие воображение случаи, когда собаки, увезенные на сотни километров, находили дорогу домой. Еще больше прославились этим кошки. Сотни километров, лабиринты городских улиц, потоки транспорта на дорогах, множество разных препятствий – и все-таки кошка вдруг оказывалась на пороге родного дома, повергая в изумление и смущение хозяев. Какой компас, какие силы ведут животных? Удовлетворительного ответа на этот вопрос пока что не существует.

Чувство дома... Немаленькое, сильное чувство. Оно знакомо многим из странников, не покинуло это чувство и двух кабанов, выраставших рядом с курами и собаками. Соблазны полной свободы, возможно, одержат над чувствами верх (и это было бы самым хорошим концом в истории с кабанями), пока же Чуша и Хрюша каждый вечер приходят из леса домой.

• Фото автора. 11 августа 1985 г.

Журавлиный характер

Окно в природу

В дикой природе подобная сцена немыслима – журавли пугливы и осторожны. Только редкие наблюдатели знают, как эти птицы весной танцуют, как играют, подбрасывая вверх палочку и делая выпады клювом...

Журавлей с поврежденными крыльями, случалось, приносили на птичий двор. И тут среди уток, кур, гусей и индюшек журавль характером выделяется. Довольно быстро он привыкает к неволе. И сразу становится высшим авторитетом. Он силен. И никому не позволит себя обижать. В природе журавль не боится лисицы, отгоняет ее от гнезда, пуская в ход сильные крылья и клюв. На птичьем дворе эту силу чувствуют все. Но взрослый журавль не драчлив. Он полон достоинства. Движения его уверенны, несуетливы. Нередко он выступает третейским судьей в потасовках между петухами. Возле него находят защиту те, кто слабее. Журавль – хороший, неустомимый ходок, и, если двери птичника не закрыты, он выходит пройтись по деревне, не страшась никого. Так рассказывают те, кто наблюдал эту птицу в неволе.

Уникальная возможность наблюдать, изучать и даже разводить журавлей появилась с созданием специального питомника на усадьбе Окского заповедника. Сейчас тут полсотни птиц – старых и молодых. И, самое главное, – разных видов. Большинство из нас знают серого журавля. Но есть еще степной журавль красавка. Есть гнездящийся в Якутии черный журавль. Есть африканские венценосные журавли, белые журавли нашей тундры – стерхи, африканские красавки, канадские и японские журавли. Все эти птицы становятся исключительно редкими. Все труднее им выживать. Питомник поможет лучше их изучить, нащупать разумные меры помощи журавлям.

Тут, в питомнике, как на ладони, видовое поведение журавлей. Пищевые пристрастия, способ охоты, звуковое оповещение в паре и в стае, родительское прилежание – все это важно для орнитологов.

На этом снимке – рабочий момент подготовки программы «В мире животных». Кинооператор Сергей Урусов и звукооператор Леонид Чиннов – лицом к лицу с журавлями. Ситуация тут особая. Подростки черных журавлей Мцыри, Арап и Мавр переживают пору, когда любопытство крайне обострено. Снимая птиц, мы соблазняли их мышью, жуками, ужом. Было видно: журавли к подобным встречам готовы – наследственность пробуждалась в них очень наглядно. Но в каждом случае все осторожно, осмотрительно изучалось – к мышам были приставлены сразу три клюва, ужака смелый Мавр схватил и подбросил вверх, как веревочку. С большим вниманием журавли осмотрели и клюнули ножик, ключи, кассету с пленкой, которые я положил на виду. Оператор все это снимал. А когда пленка кончилась и Сергей с кинокамерой замер, журавли подошли к людям вплотную, чтобы клюнуть блестящие кнопки магнитофона, объектив, часы на руке... Так познается мир.

- Фото автора. 18 августа 1985 г.

Приют в Абакане

Окно в природу

2 июня ночью у таежной станции Косьпа сбило лосиху. Обходчик нашел ее мертвой. Рядом лежал лосенок. Обходчик накрыл его телогрейкой и поспешил на станцию сообщить: так, мол, и так. Судьбу малыша решил чей-то мудрый совет послать телеграмму в Абакан, в зоопарк, Мыльцеву. Через десять часов Иван Дмитриевич Мыльцев уже был на станции Косьпа...

Найденыша сразу же поместили в загон к корове Юльке. Та как будто и не заметила, что в вымя ей тычется не приемный теленок, а маленький лось. Юлька служит кормилицей всем, кто нуждается в молоке, – телятам, оленятам, лосятам и верблюжонку.

Абаканский зоопарк хорошо известен в Сибири. Из разных мест идут сюда телеграммы с предложением подарить медвежонка, орла, рысь, куницу, волчонка. Получив телеграмму, Иван Дмитриевич выезжает немедленно и привозит зверей, разными судьбами оказавшихся у человека. Маралуха Идра, отбившись от матери, оказалась в стаде телят – пастух заметил ее уже на подходе к деревне. Громадный белый медведь, выросший в зоопарке, был привезен сюда медвежонком с перебитой и отмороженной лапой – попал в песцовый капкан. Волчонка доставил из тайги летчик... В биографии каждого из животных есть что-нибудь необычное. Двух зрелых львов подарила зоопарку дрессировщица Ирина Бугримова. Тувинцы подарили белого верблюжонка и яка.

Я был в зоопарке летом и радовался всему, что видел. Зверям тут просторно. Они накормлены и ухожены. У многих росло потомство – первый признак здоровой, благополучной жизни. Кроме сибирских аборигенов, живут тут павлины, обезьяны, цесарки – всего более восьмидесяти разных животных. Львы после цирковой славы обрели тут возможность тихой семейной жизни и нарожали целую кучу львят. Словом, зоопарк как зоопарк, с той лишь особенностью, что это единственный зоопарк во всей Восточной Сибири, что он не стоит государству ни единой копейки и что лишь два человека его обслуживают – директор Мыльцев Иван Дмитриевич и работница Любовь Тимофеевна Назарова, горячо любящие своих питомцев.

Историю зоопарка невозможно рассказать, не коснувшись предприятия, при котором его создали. Название ему – мясокомбинат. Специфическое производство. И было оно до крайности запущенным и отсталым. Во время войны работали тут женщины и подростки. И позже многие годы комбинат представлял собою, как говорили тут, в Абакане, «гиблое место». Во дворе – зловонная жижа, без сапог не пройти. Машину директора с территории вытаскивал трактор. Директора менялись тут за год два-три раза, рабочие не задерживались более года. Это был проходной двор, который обходили, зажимая нос, и который приносил ежегодно девять миллионов убытков.

Александр Сергеевич Кардаш, в прошлом комсомольский и партийный работник, не стал возражать, когда «гиблое место» досталось для руководства ему. Большой жизненный опыт позволял надеяться если не на успех, то хотя бы на приведение производства в божеский вид. «То, что тут я увидел, было хуже моих ожиданий, – рассказал мне директор. – Горы отбросов, зловонье. Картину дополняла расположенная рядом городская свалка. Ну и «специфика», о которой я много слышал, бросалась в глаза немедленно. Нет производства трудней, чем это. «Сырье» тут живое. Это ведь не дерево, не металл. «Сырье» возбужденно блеет, мычит... И кто-то должен регулярно, день за днем выполнять работу, приятной которую не назовешь. Побывав в цехах, я вышел с головной болью. Случилось в тот же день,

уличил в воровстве одного из рабочих. А он спокойно мне говорит: «Я, что же, за сто шестьдесят буду тут превращаться в животное?» Было это в 1964 году.

Новый директор начал с приведения в порядок территории, с авралов, какие объявлялись капитанами на попавших в бедствие кораблях. Это мало кому понравилось. Но директор наравне со всеми, с лопатой в руках выходил чистить запущенную территорию, и вот появился на ней асфальт, появился первый цветник. На субботники стали выходить уже охотно, видя, как «постылое место» обретает привлекательный вид.

В Абаканском горисполкоме Александр Сергеевич попросил: «Отдайте нам свалку...» Сегодня все уже позабыли, что свалка существовала, что ходили когда-то по двору не иначе как в резиновых сапогах. Десять гектаров великолепного парка окружают мясокомбинат. И это не просто зеленая территория. Это, как сказали бы специалисты, дендрарий, где можно увидеть едва ли не все породы деревьев, растущих в нашей стране, – от дальневосточной тайги до кавказских субтропиков и Прибалтики. Все высажено тут руками самих рабочих. На территории парка разбиты громадные цветники, построены две теплицы. Для свадеб и всяких иных торжеств за цветами абаканцы едут теперь на мясокомбинат. Главное же в том, что рабочие прямо с порога своего производства попадают в мир, дающий покой и отдых.

– Ну а зоопарк... – Тут ведь попали в самую точку...

– Согласен, в точку, – улыбается Александр Сергеевич. – Тут были как-то психологи. Они ведь своими словами все называют. Найден, говорят, психологический компенсатор для людей, занятых специфически трудной работой. И это правда, искал я этот компенсатор. Автомобили собирать на конвейере и то считается делом, изнуряющим психику, а тут конвейер куда более трудный.

Однажды, проходя в перерыв по одному из цехов, заметил директор оживленную группу рабочих. Подошел ближе – рассматривают рыбок в аквариуме. Выяснилось, аквариум принес в цех рабочий Иван Дмитриевич Мыльцев.

– Разыскал я Мыльцева. Еле сдерживая волнение, говорю: а на большее ты способен? Да, говорит, могу попугайчиков развести...

С рыбок, с шести волнистых попугайчиков и белой полярной совы начался этот знаменитый теперь зоопарк. По областному радио Александр Сергеевич попросил приносить в парк животных, случайно попавших в руки. Иван Дмитриевич Мыльцев был готовым директором для зоопарка. А шефами стали все цехи комбината. Дружно сделаны были клетки, загоны, хорошо спланирована территория зоопарка. На корм хищникам пошли отходы производства. Для копытных сено заготавливают в тайге на субботниках.

Парк, заселенный животными, оказался целительным местом, возвращающим людям на этом особенном производстве душевное равновесие. У каждого из рабочих есть в этом парке свои любимцы. Сюда бегут не только в обеденный перерыв, сюда приходят и после работы, приводят детей, знакомых, приезжих родственников. Парк с животными сделался гордостью комбината. Для всего Абакана и прилегающих к городу поселков и деревень зоопарк стал самым примечательным местом. «Двести тысяч посетителей ежегодно!» – с гордостью говорит нашедший вдруг жизненное призвание Иван Дмитриевич Мыльцев.

Ну а что комбинат, как идут дела производства? Производство в полном порядке! Некогда «гиблое место» стало образцовым в Российской республике производством – механизированным, оснащенным автоматическими линиями. Более половины продукции уходит отсюда со знаком высшего качества. Дававший девять миллионов убытка, комбинат дает сейчас двенадцать миллионов прибыли в год. Множество всяких знаков отличия присуждается ежегодно этому предприятию – грамоты, переходящие знамена и премии. Тут прекратилась текучесть рабочих – трудиться на комбинате стало почетно. Для матерей здесь нет проблемы детского сада. Тут лучший в Абакане коллектив художественной самодеятельности, лучшая сандружина, образцовый пионерский лагерь. Обед в хорошей столовой тут стоит 25 копеек (в ночную смену питание бесплатное).

В Абакан приезжают учиться работники сотен других комбинатов страны. Директор Александр Сергеевич Кардаш встречает гостей у ворот неизменным вопросом:

- Вы чувствуете какой-нибудь запах?
- Да, пахнет цветами...
- Спасибо, это похвала всем, кого вы тут встретите...

Особого разговора заслуживают «секреты» Александра Сергеевича, круто в гору повернувшего дело и жизнь людей, занятых этим особо непростым делом. Но, конечно, никакой волшебной палочки в кармане у этого человека нет. Опыт жизни, энергия, ответственность, любовь к людям, требовательность, справедливость и чувство долга – этими понятными и простыми словами все объясняется.

...Мы наблюдали с Александром Сергеевичем, как поили в зоопарке лосенка и верблюжонка. Сзади нас толпились мальчишки-экскурсанты из абаканской школы.

- Во, у верблюда два горба, потому что жизнь – борьба! – крикнул один озорник.
- Александр Сергеевич дотянулся рукой до мальчишеской головы, потрепал волосы:
- Верно, внук. В жизни без труда, без борьбы ничего не бывает.

• Фото автора. 25 августа 1985 г.

Три минуты из жизни...

Окно в природу

Три минуты из жизни котенка. Почти детективная повесть...

Жил котенок во дворе в загородке с мамой, опытной, в возрасте, кошкой. Я открыл калитку, и мама решила: пора! Пора чаду увидеть мир.

На пороге калитки котенок увидел жука. Ужас, великий ужас отразился в маленьком теле: спину выгнул, хвостик поджал, глаза расширены. Глянул на мать – она сидит холодно-невозмутимая, неподвижная: «Эка невидаль – жук!»

И котенок сразу же осмелел. При виде утят в нем пробудился охотник. Лег котенок на брюхо. Чуть пошевеливая хвостом и не спуская горящих глазенок с утят, пополз он к добыче. Утята, пища, потеснились. И охотник сразу же понял: его бояться. Он тигром рванулся вперед. Но утята уже имели жизненный опыт. Жалобно призывая несуществующую маму (утята инкубаторские), беженцы устремились к собачьей будке – тут, по всему судя, они находили уже убежище. И защита не заставила себя ждать. Лохматый пес Тобик, лежавший за будкой на солнышке и вполглаза наблюдавший за жизнью двора, вскочил. Гремя цепью, он кинулся на обидчика. Привязь не дала ему развернуться как следует, котенок пружиной взлетел на плетень и выше – на кол.

Утята между тем цепочкой направились к яме с водой. Пес улегся на любимое место за будкой. Невозмутимо на прежнем месте сидела кошка. Она все видела, но даже не шевельнулась, чтобы как-нибудь повлиять на события. Строгая поза многоопытной матери говорила: «Ну вот – это жизнь. Будешь знать, кто есть кто».

• Фото автора. 31 августа 1985 г.

Свидание на острове

Окно в природу

6 августа рыболовы, проплывавшие по озеру Балоховскому на Карельском перешейке, поначалу решили: один из маленьких островов облюбовала подгулявшая компания – дикие крики, кто-то там даже залез на сосну. Подплыв поближе, рыбаки пришли в изумление: на сосне сидела черная обезьяна, а возле лодки резвились еще не менее трех...

С 1972 года Институт физиологии в Колтушах вывозит летом обезьян на озерные острова. Суть экспедиций: наблюдать животных в условиях, приближенных к природным. В этом году выезд не состоялся, но киногруппу «В мире животных» приняли в Колтушах: «Сделаем однодневную вылазку в лес. Вы снимайте, а у нас свои интересы...»

И вот по озеру движутся лодки. В клетках на них четыре шимпанзе – братья Малыш и Чингиз и две взрослые обезьяны. Маленький островок. Клетки открыты. И обезьяны смело ступают на пропахший смолою, прокаленный солнцем клочок земли.

Обезьяны помнят такие же вылазки прошлых лет. Сначала осторожное обследование – нет ли опасности! Осмотрены камни, деревья, кострище, заросли тростника, муравейник. Сильва нашла пустую бутылку и, умело наполнив ее водой, из горлышка пьет. Читу привлек ольшаник – покачавшись на ветках, она с аппетитом принялась уплетать ольховые листья. Ее примеру последовала вся компания. Потом едоки принялись за сосновую заболонь, пожевали травы. Потом обнаружены были в моем кармане конфеты...

Через час примерно оператор, летавший по острову с камерой быстрее, чем обезьяны, в изнеможении сел на камень передохнуть. Заметив, что камеры выпущена из рук, Чита сейчас же захотела проделать с ней то же самое, что делал и оператор.

Молодые – Чингиз и Малыш – нуждались в движении. Они взлетали на ветки и, как на огромных пружинах, спускались вниз. Потом они взяли в оборот лодку и так ее раска-

чали, что судно отчалило от камней. Пулей слетели два шалуна на берег, с любопытством наблюдая за лодкой.

Как подобает детям, два брата легко переключались с одного занятия на другое. Им показалось забавным побросаться пучками сена. Потом ведущему программы «В мире животных» они предложили возню, в которой партнера полагалось слегка покусывать. Признаться, я чувствовал себя неуютно, ощущая, как на руке смыкаются челюсти семилетнего шалуна.

Леонид Александрович Фирсов и его помощница Алевтина Смирнова, наблюдая возню обезьян, видели много для себя важного, такого, что не увидишь в вольере... Братья Чингиз и Малыш, в порядке эксперимента, от родителей были взяты сразу после рождения и до года воспитывались в человеческом доме. Они знали соску, пеленки, манную кашу, ласку. Возвращение их через год «в коллектив» оказалось проблемой. Но именно это было как раз интересно. «Инфантильны...» – говорит Фирсов, наблюдая подростков.

Делаем маленький эксперимент. Я забираюсь в воду и на заостренной палке оставляю висеть апельсин. Задача предназначена для Чингиза. В воду он не пойдет, но есть еще палки... Попавшая под руку палка оказалась слишком короткой. И желание овладеть апельсином у нас на глазах увядает.

Сильва, внимание которой было теперь привлечено к лакомству, задачу решает уверенно, быстро. Она появляется с удищем. Четверть минуты – и апельсин ловко выужен из воды...

Три часа мы обретались на острове. Пленка в камерах кончилась, но уплывать не хотелось. Наигравшись, обезьяны, кажется, позабыли о нашем существовании. Сильва, построив гнездо, уселась в нем на ночлег. Чита занялась муравейником, а братья-подростки снова вернулись к лодке.

Но уплывать «робинзоны» с острова явно не собирались. Большого труда, с мобилизацией всего запаса конфет, стоило заманить их в клетки.

В полночь вернулись мы в Колтуши. Радостным воплем встретила вся родня появление Читы, Сильвы и двух сорванцов – объятия, дружелюбные жесты... У обезьян есть язык. Но тем и отличается он от человека, что на нем невозможно рассказать о том, например, где были, что видели, что пережили за день.

• Фото автора. 8 сентября 1985 г.

Янтарь

Окно в природу

После ветреной ночи мы вышли на берег Куршской косы поискать «на счастье» янтарь. И повезло – вот у меня на ладони медового цвета прозрачный камешек величиною с орех. Янтарь относится к числу самоцветов, но камнем называют его условно. В обычной воде он тонет, в морской же – плавает. Именно море тысячи лет выносит янтарь на берег. И самый древний способ его добычи – сбор у кромки воды.

Сборщики янтаря знают: искать его надо после хорошей бури. Вода будоражит морское дно, вымывает куски янтаря, мелкие и большие. Подобно редким золотым самородкам, есть находки весом до десяти – двенадцати килограммов. Большие бури в Прибалтике называют «янтарными». Одна из них в 1862 году сразу выбросила на берег около двух тонн самоцветного камня.

Интерес к янтарю восходит к заре человечества – на древнейших стоянках людей постоянно находят украшения и амулеты из янтаря. В разное время к янтарю относились по-разному. Древние прибалтийские жители использовали его как топливо, потом наступило время, когда «морской камень» ценился по весу золота. Три с половиной тысячелетия назад украшения из янтаря носили египетские жрецы и фараоны. Позже янтарь из Прибалтики стал расходиться по всему свету. Торговые пути, по которым его везли, назывались «янтарными». Ценился янтарь как украшение и как лечебное средство. (По-литовски «гинтарис» значит «защищающий от болезней». Современные исследования подтвердили целебные свойства янтаря.)

Сбор янтаря на берегах Балтики всегда держался под строгим контролем. «До 1828 года в Кенигсберге был штатный палач, исполнявший смертные приговоры за самовольный сбор янтаря». Янтарь в цене и поныне – украшения из него, бытовые поделки и произведения искусства пользуются неизменным, устойчивым спросом. И море продолжает дарить этот камень. Подсчитано, в среднем за год балтийские воды вымывают со дна 36 – 38 тонн янтаря. Всего же за многие годы море отдало берегу примерно 125 тысяч тонн окаменевшей смолы.

Долгое время природа янтаря была неизвестной. Древние полагали, что это застывшая моча животных. Считали также, что это продукт жизнедеятельности лесных муравьев; окаменевший мед; вещество, «образованное солнцем из морской пены»; некое выделение китов, подобное амбре; нефтяное образование... Во времена Ломоносова шли еще споры на этот счет. Но сам ученый уже твердо знал и писал об этом: янтарь – окаменевшая смола древних деревьев. Стоит янтарь подогреть, как почувствуешь характерный запах сосновой смолы. (В церквах Руси янтарь применяли для благовоний и называли «морским ладаном».) Современный анализ показал: окаменевшая смола содержит сорок сложных органических соединений, в основе которых лежат углерод, кислород, водород.

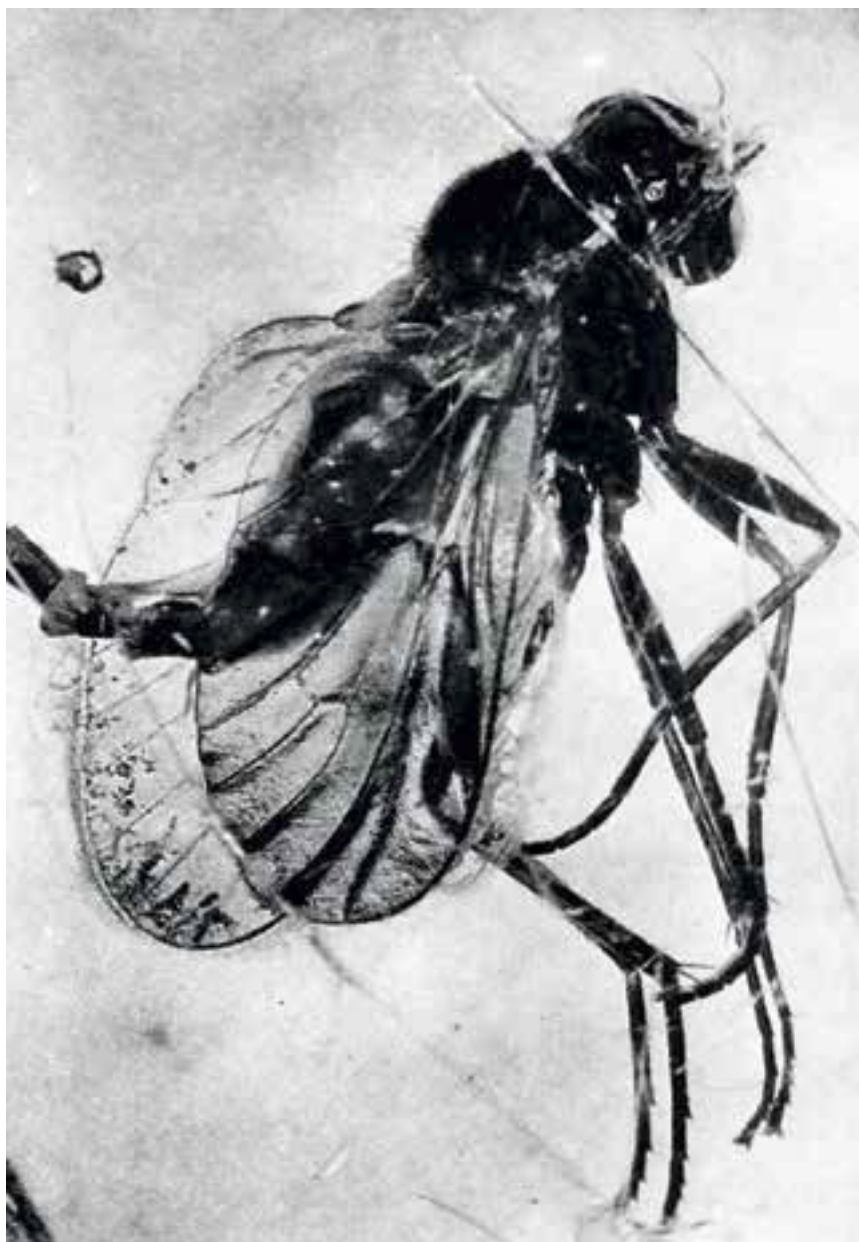
Янтарь проницаем для газов и жидкостей. Кипячением в льняном и сурепном масле повышали прозрачность камня – жидкость вытесняла пузырьки воздуха. Электричество янтарь не проводит, но сам его возбуждает. В этом легко убедиться, если потереть кусочек смолы о суконный лоскут. Древние греки называли янтарь электроном. Из прозрачных кусков янтаря, было время, изготавливали очки, оптические призмы, увеличительные стекла.

Сегодня янтарь используют исключительно как украшение. В дело идут его природные формы, но термической обработкой форму, цвет и прозрачность древней смолы можно

менять. Эталоном ценности всегда считался цвет янтаря. В Китае и Японии когда-то высоко ценился камень вишневого цвета. Сейчас лучшим цветом считают лимонно-желтый.

* * *

Есть еще одна ценность окаменевшей смолы. В прозрачных кусках янтаря довольно часто можно увидеть замурованных насекомых – жуков, комариков, мух, стрекоз, муравьев, а также побеги и листья растений, цветочные лепестки и пыльцу, волос животных, паутину и перья птиц. Мода на такие включения в смоле заставляла платить громадные деньги. Известна сделка: финикийский купец за «камень с мушкой» отдал 120 мечей и 40 кинжалов.

Но куда более ценными оказались включения в смолах для познания жизни на нашей планете. Установлено: янтарь образовался сорок – пятьдесят миллионов лет назад. В то время в северной части Европы – на территории нынешних Швеции, Финляндии, Карелии и Кольского полуострова – произрастали пышные субтропические леса, состоявшие из

сосен, туи, секвойи, платанов, кленов, пальм и диких бананов. Лес оплетали лианы, пестрели повсюду цветы, скакали по веткам белки. Как и нынче, стучали по древесным стволам дятлы, порхали синицы, мириады насекомых летали и ползали в жарком «янтарном лесу».

Громадные сосны – их было тут двадцать видов, – залечивая раны и трещины, обильно выделяли смолу. Она повисала на ветках большими янтарными каплями, образовывала наплывы в разломах и на коре. Насекомое, залетевшее на смолу, становилось ее пленником, бальзамировалось, замуровывалось. Было это сорок – сорок пять миллионов лет назад. Голова кружится от попытки мыслью постигнуть даль времени. Все обратилось в прах – истлели деревья «янтарного леса», стали землею плоть и кости животных. А нежные, хрупкие существа к нам «долетели»! Как будто вчера увязла мушка в смоле – видны ее тонкие ножки, перепонки на крыльях. В янтаре сохранились даже мелкие волоски насекомых, даже тончайшая паутина и на ней паучок.

Вечная мерзлота помогла сохранить до наших дней тела мамонтов, но эти животные жили «недавно» – каких-нибудь десять – пятнадцать тысяч лет назад. Тут же сорок миллионов лет – человека на земле еще не было. Янтарь донес к нам детали далекой, загадочной жизни, помог воссоздать облик леса, его породившего (двести разных растений!), а также мир мелких животных, в нем обитавших. Три тысячи видов членистоногих – жуков, комаров, бабочек – дошли до нас заточенными в янтаре. Тщательное исследование показало: большинство из животных имели те же формы, что и сегодня... Таков почтальон из далеких времен.

• Фото из архива В. Пескова. 14 сентября 1985 г.

Доверие

Окно в природу

Облик человека, запах его в наследственной памяти животных запечатлен как опасность. Все прячутся, убегают, как только услышат наши шаги. Нападать на людей решаются лишь больные старые тигры, медведь-шатун да еще крокодил, не различающий в пище – человек это или что-то другое.

Не бояться людей те, кто не видел их никогда и не знает, на что способно двуногое существо. Не боялась островная бескрылая птица дронг и поплатилась за это существованием – ни одного дронга на земле не осталось. Не бояться человека пингвины. В Антарктиде приходилось наблюдать, как издали с любопытством они бегут поглазеть на людей. Они позволяют человеку ходить внутри их колонии, и лишь прикосновение вызывает у них возражение.

Не боялись когда-то людей слоны. Но охотник с ружьем быстро их вразумил. Не боится человека сибирская птица дикуша, позволяющая ловить себя петлей на палке. И это дорого стоит доверчивой птице.

Потерянное доверие восстановить трудно, но, как показывает жизнь, вполне возможно. Слоны в национальных парках Африки уже не убегают панически, увидев или почувствовав человека. Лебеди позволяют к себе подходить достаточно близко, и это потому только, что практически всюду эту птицу щадят. Но особенно быстро, буквально у нас на глазах во многих местах перестали человека бояться дикие утки. И это при том, что птица по-прежнему является объектом охоты.

Всюду, где утки чувствуют себя в безопасности, они позволяют подойти к ним вплотную, берут даже пищу из рук. Городские московские водоемы могут служить в этом смысле примером.

Но в последние два-три года утки безбоязненно стали селиться на деревенских прудах в Подмосковье. Уже лет двадцать хожу я в лес по деревне Картмазово. На пруду всегда видел только домашних птиц. Но вот уже третий год – дикие выводки, а этим летом – сразу четыре. Полное доверие человеку! Подплывают, стоит лишь бросить корм. А во двор, стоящий у пруда, утки ходят гуськом и кормятся с курами.

С появлением льда утки с прудов улетают. Куда? В Подмосковье есть теплые воды, на них прокормишься и в мороз. А если утки летят на юг? На пути их ведь могут встретить с ружьем. Становятся утки жертвами доверчивости или, может быть, тонко распознают ситуацию: доверяют там, где следует доверять, и осторожны, где есть опасность? Так или иначе, доверчивых уток стало повсюду много.

• Фото из архива В. Пескова. 21 сентября 1985 г.

Плѣс

Проселки

Летом 1888 года еще мало кому известный молодой пейзажист Исаак Левитан плыл по Волге из Нижнего Новгорода в поисках «источника сильных впечатлений». Художник был грустен, даже уныл – Волга вопреки ожиданию душу не задевала. И вдруг за Кинешмой взгляд живописца и его спутницы привлек маленький городок, убежавший от воды круто в гору, в зелень берез и елок. На бугре стояла бревенчатая церковка, кругом темнел отражавшийся в Волге лес. Левитан побежал к капитану:

– Что за место?

– Городок Плѣс, – равнодушно сказал капитан, – точнее сказать, городишко...

Но художник уже не слушал. Городок приближался. И было в нем что-то заставлявшее поспешить.

– Сходим! – художник побежал в каюту за мольбертом и саквояжами.

Так случайно Левитан встретился с Плѣсом.

Теперь, спустя без малого сотню лет, пассажиры на теплоходах заранее выходят на палубы и с нетерпением ждут... Со времен Левитана облик города мало в чем изменился. И в этом его привлекательность. Случается, два, даже три громадных теплохода борт к борту стоят у Плѣса. Местные жители растворяются в потоке приезжих. По делу прибывают сюда немногие. Главное – навестить городок, самому убедиться: справедлива ль о нем молва?

* * *

История Плѣса не бездонна, но глубока. Основан он был в год Грюнвальдской битвы (1410) с назначением: оберегать границы Руси от набегов с востока. Место для рубленой крепости посланцы московского князя Василия (сына Дмитрия Донского) выбрали не случайно. На Верхней Волге это самая высокая точка. Крутизна берегов обрывалась возле воды, и с двух сторон крепость обрамляли овраги. Непрístupной стояла она на мысу. Это не помешало, однако, молодому казанскому хану Махмуту Хази «сжечь Плѣсо» (так изначально назван был город). Но то был всего лишь набег. Плѣсо восстановился. Служил позже сборным пунктом для войска против казанских ханов. Беспокойство с востока сменилось потом нашествием с запада – в Смутное время просочилось сюда шляхетское войско... А в 1812 году город был тылом, куда эвакуировались воспитанники и педагоги Московского театрального училища. Приютивший беженцев заштатный патриархальный Плѣс обескуражен был ученьем резвых «ахтерок». Особо богопротивными показались плесянам балетные танцы. Балетмейстер тех лет Глушковский записал реплики собиравшихся поглазеть на ученье: «Их, матки мои, как их вертит нечистая сила, как она их подымает!» Кто знает, быть может, отзвук далекой той встречи с Плѣсом побудил именно тут организовать дом отдыха Всероссийского театрального общества. И нынешний Плѣс видит на своих улочках «ахтерок», хорошо им знакомых по телевидению и кино.

Звездный час малого городка приходится на вторую половину минувшего века. Плёс поставлял в это время рыбу в Москву, славился кузнецами и оборотистыми извозчиками, портняжничал и сапожничал, поставлял на волжский путь бурлаков, но главное – сделался важной торговой точкой речной дороги. Тут с барж на телеги переваливали хлеб, шедший с юга, сюда свозились товары с Иваново-Шуйской промышленной зоны. На ручьях и речках, впадающих в Волгу, вертелись мельничные колеса, на открытых ветру буграх шевелили крыльями ветряки. Появилось несколько маленьких ткацких фабрик. Город бурлил. Население его достигло двух с половиной тысяч. Дома росли как грибы. Наверху места уже не хватало, заняли низ у самой воды. И по буграм, вырезая на склонах площадки, рубили дома. Так сложился облик городка, бегущего вверх по откосу.

В летнюю навигацию население Плёса возрастало в несколько раз. В ночлежных домах обитали портовые грузчики. Ненадолго находили приют под крышами города бурлаки, проходившие «бечевою» вдоль Волги до тридцати километров в день. Набережная белела двухэтажными домами купцов. Торговали в Плесе разным товаром. На удивление много было тут книжных лавок – двенадцать.

Рельсовый путь Иваново-Вознесенск – Кинешма сделал невыгодным вывоз хлеба из Плёса гужевым транспортом. И городок быстро утих. Тишина была уже главной его примечательностью, когда Левитан первый раз сошел с парохода на пристань.

* * *

В Плесе художник нашел то, что искала его душа. Поселившись в домике с окнами на реку, он обрел житейский покой и жадную страсть работать. Исчезли мнительность,

неуверенность в своих силах. Его зонт над этюдником видели то у воды, то на кручах над речным плесом, то в окрестных деревнях.

Тихая жизнь городка, мир простых радостей, близость к природе пробудили всё лучшее, чем была богата эта натура. Плѣс оказался для Левитана тем же, что и селѣцо Михайловское для Пушкина. Жилось и работалось радостно. Расширился жизненный горизонт. Молодой еще человек, видевший в Москве главным образом приказчиков, коридорных, половых, извозчиков, увидел тут, на Волге, основы жизни, начал понимать историческую силу народа. И хотя полотна Левитана «безлюдны», мироощущение человека, писавшего их, явственно ощущается. Чехов, увидев холсты, привезенные другом из Плѣса, сказал: «...на твоих картинах появилась улыбка».

В Плѣсе состоялось открытие Левитаном Волги. Волжских пейзажей до него написано было много. Левитан в своих наблюдениях и переживаниях постиг душу великой реки. Он почувствовал здесь просторы России, волжский плѣс, в котором отражался маленький городок, подарил художнику острые ощущения переменчивой красоты. Картины «Вечер. Золотой Плѣс», «После дождя», «Плѣс», «Свежий ветер. Волга», глубоко волнующие нас сегодня, – результат и громадного мастерства, и особого строя души, способный остановить волнующие мгновения жизни.

Плѣс подарил живописцу много таких мгновений. Полотна, привезенные с Волги, сразу поставили Левитана в ряд великих художников. Всеобщее любопытство вызвал и маленький городок. Сюда устремились художники. Перебывало их, начинающих и маститых, в городке много, и каждый увозил на холстах «свой Плѣс». Но имя Левитана для Плѣса – то же самое, что имя Толстого для Ясной Поляны, Тургенева – для Спасского-Лутовинова, Чехова – для Мелихова. Левитан ездил сюда три лета подряд. Написал много больших полотен и полсотни этюдов. Мотив знаменитой картины «Над вечным покоем» подсказан был обликом деревянной церквушки, стоявшей над плѣсом.

Волжский маленький городок пробудил талант Левитана. И сам он навечно прославлен художником. По знакомым картинам мы знаем с детства: есть где-то Плѣс, хорошо бы там побывать... Левитан сохранил сердечную благодарность местечку на Волге. Незадолго до смерти, вспоминая лучшее, что увидел, о Плѣсе сказал: «Никогда не забуду...»

* * *

Сто лет почти минуло с той поры, когда по желтым дорожкам в гору ходил Левитан. За сотню лет сколько воды унесла в море Волга! Выросли, переменились города на ее берегах. А Плёс остался Плёсом. И это его старинное постоянство обернулось сегодня ценностью. Возможно, овраги и кручи помешали его застроить на современный лад.

Овраги и в Плесе громадные. Из-за них городок недоступен автомобилям. Тут царствует пешеход. Глиняные дорожки змейками убегают на кручи мимо таинственных, непролазно-зеленых каньонов. Весной овраги пенятся белым цветом черемух и служат приютом для соловьев. Летом тут пахнет нагретыми лопухами, ежевикой, жасмином. Внизу, в потемках, журчат ручейки, вверху, на припеке, гремят кузнечики. Осенью по оврагам шуршат дрозды, как детские самолетики из бумаги, скользят над желтеющим миром сороки. В пахучем царстве зарослей тут хочется заблудиться. Но невозможно. Змейки дорожек выводят тебя на вершину откоса под полог громадных старых берез. Отсюда Волга – как на ладони. Поля, перелески за ней. На воде в предосеннем тумане лодки. Торопливо бежит «Ракета». Хорошо слышно, как в наступившей после нее тишине один рыбак у другого справляется об улове.

На лодке переправиться можно на левый берег (из Ивановской в Костромскую область). Через реку, как бы со стороны, городок виден весь целиком. Видна внизу слева бывшая рыбацья слобода, виден в ней домик, где жил Левитан. И в мелких подробностях видны уступы кружевной зелени леса, уступы домов, садов, паутина желтых дорожек, освещенные солнцем полянки и темные русла оврагов, плешины на круче, вытопанные туристами. Светел, зелен, радостен городок! А у ног его – зеркало Волги. Город похож на большой многопалубный пароход, приставший тут и не желающий уплыть – там ему хорошо. Как мачты, белеют церквушки. Нижняя палуба – самая оживленная. Плотнo друг к другу стоят дома. Почти что все двухэтажные, низ – каменный, верх – деревянный. Заборы. Наличники. Двери с коваными запорами. В окнах – герань. У заборов – скамейки с обязательными старушками. Деятнадцатый век! Кажется, вот сейчас выйдет купчина в поддевке и проследует, оглядевшись, к лабазам у церкви. В огородах возле домов пахнет укропом, нагретой ботвой помидоров. Пахнет яблоками, колотыми дровами, вяленой рыбой, дымком. Куда-то в зеленые джунгли склона чешуйчатой змейкой уползает дорожка, мощенная камнем...

Таким видит Плес человек, сошедший на два-три часа с теплохода.

В зелени своей Плес прячет маленькую местную промышленность, сельскохозяйственный техникум, санаторий, дома отдыха, пансионаты, туристскую базу и памятник основателю города князю Василию. Не великое число жителей – как раз то, что надо для городка. И зимою Плес становится тихим-тихим. Но, как и прежде, вскроется Волга – число людей в Песе немедленно возрастает. Прежде возрастало в четыре-пять раз. Сейчас через Плес за летние месяцы проходит полмиллиона людей. Останавливаются теплоходы. И прибрежная улица превращается – не знаешь уж как и сказать – в Невский проспект, в Голливуд? Одежда – под стать маскараду: от купальных костюмов до цветных ярких шалей. В толпе я увидел даже чалму. Думал, индус путешествует, оказалось – москвич. Жена его с собачкой на поводке важно представила мужа: «Парапсихолог... Интересуется йогой...»

Какой-то веселый малый, возбужденный жарой и пестрой этой толпой, в дверях магазинчика, где продается кое-что, припасенное для туристов, озорно крикнул:

– Кольты в продаже есть?!

– Нет! – машинально ответила продавщица.

– А парабеллумы?!

– Нету...

– Ну и слава богу, что нету...
Хохот.

Плѣс охлаждает сюда прибывающих. Дорожки вверх по откосу, стояние под березами на бугре, откуда белые теплоходы кажутся небольшими игрушками, посещение дома, где жил Левитан, возвращают людей в состояние, которое их самих удивляет и радует. «Ты знаешь, как будто душу в чистой воде сполоснул», – сказал мне сосед по каюте, когда мы на палубе утром заговорили о Плѣсе.

* * *

Есть у маленьких глубынь-городков свои «жрецы», ревнители красоты. Плѣсу особенно повезло. Тут никогда не забывали, что живут в местечке исключительной привлекательности. А когда в начале 60-х годов народ повалил сюда валом, сочли это вполне естественным. Сразу нашлись добровольцы встречать теплоходы и группами провожать экскурсантов по городу. В числе их была библиотекарь Алла Павловна Вавилова. Те, кто в Плѣсе бывал, читая эти заметки, сразу вспомнят гостеприимного человека, сердечно и хорошо рассказавшего им о родном городке, о Левитане, о других людях, оставивших в Плѣсе хорошую по себе память. Этой женщине принадлежит идея создать тут картинную галерею. Потом она стала бороться за музей Левитана. С преодолением множества трудностей музей был создан. И хороший музей! – с подлинниками работ художника, с вещами, каких касалась его рука. Алла Павловна сама на пороге встречает гостей и вводит их в мир Левитана... Слушатели не догадываются, сколько иных, самых разных забот лежит на плечах этой женщины. Плѣс (во многом стараниями Аллы Павловны Вавиловой) объявлен историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником. Намечено сделать Плѣс «вторым Суздалем». Цель хорошая, мудрая. Но дело вопреки стараниям местных энтузиастов движется пока медленно, слишком медленно. И, главное, в сохранении ценностей Плѣса не учтена пока важная ценность – природа.

Этим летом городок отметил свое 575-летие и 125-летие со дня рождения Левитана. Из Ильинского района в Плѣс перевезена и поставлена церковь, очень похожая на церквушку, увидев которую с парохода, художник сказал: «Немедленно сходим!»

После прогулки по Плѣсу Алла Павловна пригласила в дом к себе – ужинать. Ели громадного, не уместившегося на одной сковородке леща. Хозяйка дома, по привычке экскурсовода, рассказывала: «Рыба – традиционное угощение в Плѣсе. Когда-то к домам, стоящим на склоне, из бегущих сверху ручьев отводили воду в садки, и в них с приходом гостя сачками ловили стерлядь. Левитан, несомненно, не раз едал стерляжью уху...»

Сидели за ужином долго. В открытое окно залетали на свет августовские бабочки. Были слышны густые гудки теплоходов на Волге. А в темноте сада гулко падали с веток перезревшие яблоки.

• Фото автора. 29 сентября 1986 г.

Год под знаком козы

Таежный тупик

20 сентября под вечер вертолет, поднявший метель из желтых березовых листьев, сел на косе. Мы выпрыгнули на обкатанные водою белые камни, выгрузили поклажу. Вертолет упругим вихрем еще раз потрянул верхушки берез и скрылся за скосом горы. Осенний огненный мир, два часа проплывавший внизу, теперь обступал, подымался от ложа реки круто вверх. По желтому густо-зеленым цветом темнели кедры и ели, малиновыми пятнами обнаруживали себя рябины. После холодного и ненастного лета в абаканской тайге стояла нарядная ясная осень. Было тепло и тихо. Синее небо отражалось в непривычно спокойной воде. Где-то кричала кедровка. И это был единственный звук, напоминающий о скрытой под пологом леса жизни.

Посидев на прибрежном нагретом камне, мы пошли вдоль реки. Половина поклажи «до завтра» была брошена на косе. Шли по мягкой, промятой во мху дорожке. Когда-то Лыковы от реки уходили к своим избушкам, стараясь не оставить следов. Теперь же от берега вверх вела заметная тропка. В прошлом году Карп Осипович пометил ее затесями. А в этот раз мы обнаружили бревнышки-ограждения. «Беспокойтесь старик, чтобы кто-нибудь из идущих не поскользнулся на крутизне», – сказал Ерофей, оглядывая недавнее оборудование.

Путь от берега до избушки довольно крутой, но недлинный. Верхнее дальнее жилье с прошлого года Лыковы бросили, перебравшись к реке. Через час неспешного хода мы вдруг услышали блеянье коз, увидели синий дым костерка. Еще минута – и навстречу выходят двое людей. Агафья, как ребенок, радости не скрывает.

– А мы видели вертолет-то... Я и картошку успела сварить...

На бревнышке у костра начались обычные для этого часа расспросы: как поживаете? Как добрались? Агафья между тем, положив нам в ладони по горячей картофелине, засемила на огород. Все угощения сразу разложены были на траве у костра: морковка, репа, горох. Карп Осипович появился с пластиковым мешочком кедровых орехов. Агафья поставила туесок с собранной накануне брусникой. Потом вспомнила о соленых грибах...

Говорили во время «застолья» о прожитом годе, о необычно холодном, дождливом лете, об урожае. И лес, и огород щедрыми этой осенью не были. Кедровых шишек, влезая на деревья, Агафья насбивала всего три мешка. (В урожайные годы собирали по тридцать мешков.) Не уродились ягоды и грибы. Плохо вызрел горох. Картошка не подвела, но была мелковатой. В былые годы плохой урожай, отсутствие мяса и рыбы (Агафья поймала лишь пять харьюзков чуть больше ладони) сильно беспокоили бы «робинзонов». На этот раз, побывав у геологов, старик и Агафья вернулись приободренные. «Не беспокойтесь. Мы вас не бросим», – сказали в поселке.

Была и еще гарантия некоторого благополучия – козы. Пока мы сидели у костерка, Агафье не терпелось показать свою «ферму». В загородке из тонких бревен, подозрительно поглядывая на гостей, ходил козел Степка с обрезанными Ерофеем рогами. Козу Муську Агафья вывела на доение.

Прошлогодней робости перед козой не было. Ловко спутав Муське задние ноги, Агафья наступила на веревку, как на педаль, подвинула к морде козы берестяной кузов с сушеной картошкой... Через десять минут мы уже пили процеженное и охлажденное в ручье молоко. Оно было великолепным – густое, здоровое, без каких-либо запахов. И я мысленно поблагодарил читательницу нашей газеты Аллу Лукиничну Корочанскую за идею «купить козу».

Прошлым летом, увидев, что Лыковы к скотоводству не подготовлены, я сказал: будет трудно – зарежьте. Думал, что так и будет. Но в январе получил от Агафьи письмо с трогательной благодарностью. Оказалось: козы прижились ко двору. Агафья писала, что научилась делать сметану, творог и что весной от «козлухи» ожидают приплода.

Хлопот со скотиною было тут много. Агафья осваивала доение, готовила на зиму сено и веники, оберегала от коз огород. Карп Осипович, покрывая от натуги, соорудил загон и сарайчик. Пока жили «на две избы», коз водили с собой. Поводки были лишними – козы преданно жались к людям. Медведи, которых тут много, проявляют к козам интерес постоянный, и козы их чувствуют раньше, чем люди. Медведей отпугивали торканьем (стуком) в жестянку... Доставили хлопоты Лыковым и маралы, съевшие два стожка сена, приготовленных для коз. Пришлось зимой Агафье рубить еловые ветки.

Слушая у огня бесхитростное повествование о житье-бытье за год, мы чувствовали: козы были тут «полноправными членами общества». Молоко молоком (оно заметно поправило здоровье Карпа Осиповича, переставшего жаловаться на живот и на болезнь уха), но было и еще нечто важное в их присутствии у избы. Козочка и Агафья так привязались друг к другу, что разлука даже на день была тягостной для обеих. Во время трехнедельных усилий наловить рыбы Агафья жила с козой на берегу под навесом, питалась ее молоком, «а спали вместе, прижмемся друг к другу – тепло...».

Главным событием года был переход на житье к речке. Верхнюю избу в горах бросили. Ничего не сажали на огороде возле нее. Навещали жилище только затем, чтобы взять какой-нибудь инвентарь, книги, одежду. Мотив переселения Карп Осипович объяснил кратко: «Без людской помощи не обойтись. А ходить – далеко».

Агафья для фото прихорошилась.

Избу нижнюю Николай Николаевич Савушкин, навестивший Лыковых вместе со мною в позапрошлом году, обещал подправить и прирубить к ней что-нибудь вроде сенцев. Обещанье начальник управления лесами Хакасии сдержал. Запечатленный в памяти Лыковых как «лесной начальник», Николай Николаевич сидел сейчас у костра рядышком с Ерофеем, и Карп Осипович с искренним стариковским усердием благодарил его.

Жилье получилось удобнее верхней избы. Сенцы разгрузили жилую часть от множества коробов и мешков, сделали ее просторнее и светлее, чему способствовали два оконца, прорубленные в торцевой стене.

Чистота и опрятность в жилище этом не поселились, но появилось некое подобие порядка в избе. Не закопченные тут лучиною стены и потолок лоснились коричневым деревом, просторно было у печи, пол под ногами не пружинил от конопляной костры, а был подметен. Пространство возле железной печки, подаренной геологами, было свободно от хлама и не грозило пожаром.

Печку Карп Осипович в этот вечер натопил, не скупясь на дрова. Перед сном мы вышли охладиться наружу. Дым от избы подымался высоко вверх, и Млечный путь казался продолжением этого дыма. Мороз сулившее небо было всё в звездах. Указав на Большую Медведицу, я спросил Агафью: знает ли она, как называется это созвездие? Агафья сказала: «Лось...» Небесный ковшик и в самом деле на лось походил больше, чем на медведя.

Карп Осипович был приветлив.

Спать, как обычно, мы легли на полу. Агафья, положившая нам в изголовье фонарик на случай выхода из избы, вдруг спохватилась: «А светит ли?» Фонарик светил неважно. «Батарейка исстарилась», – с этими словами Агафья достала из берестяного короба круглую свежую батарейку, поменяла на нее старую и, убедившись – фонарик светит исправно, принялась за молитву. «Это чё же такое, спички не признаете, считаете грех, а батарейка,

значит, не грех?» – специально для нас с Николаем Николаевичем спросил Ерофей. Агафья не нашлась, что ответить, подтвердив только, что спички («серянки») действительно грешное дело.

Засыпали мы под молитву. Агафья перемежала ее шиканьем на котят и неожиданными вопросами Ерофею.

Утром, попрыгав возле костра для согрева, мы с Ерофеем спустились к реке за оставленной там поклажей. И через час у избы состоялось поднесение московских гостинцев. Агафья этот момент на минуту опередила – появилась с синей рубахой в руках. Ерофей мне писал, что Агафья готовит подарок. Теперь мастерица с улыбкой протянула изделие и пожелала, чтобы рубаху я тут же примерил. Пришлось подчиниться. Все хором нашли: обновке износу не будет, не хватает лишь пояска! Агафья шмыгнула в избу, и вот я стою уже подпоясанный... Выяснилось: такие же рубахи в благодарность за помощь Агафья сшила нескольким геологам, в том числе Ерофею.

После шуток, что в Москве в редакции появлюсь я в обновке, открыли картонный ящик, летевший со мной из Москвы. Старик и Агафья глядели на него с выжидательной настороженностью, и я опасался уже услышать: «Нам это не можно». Но все в этот раз было принято с благодарностью. Во-первых, бутылочка дегтя. В письме Агафья просила разжиться этим продуктом, нужным для смазки ран и царапин. Просьбу выполнил я с трудом. Неведомая Лыковым жизнь давно перешла от дегтя к мазуту и солидолу. Деготь помог добыть московский таксист Александр Иванович Бурлов, с которым случайно я поделился заботой. Узнав, в чем дело, таксист сказал: «Добуду из-под земли!» И добыл.

За дегтем и связкой свечей пошли дары Бутырского рынка. Яблоки Лыковы знали по угощениям геологов. Болгарский перец подозрительно мяли в руках, но, видно, нашли, что Бога принятием перца сильно не огорчат. Увидев дыни, Карп Осипович спросил: «Тыклы?» Арбуз озадачил обоих, потребовалось объяснение, что это такое.

Все принятое Карп Осипович распорядился снести в ручей. А в обед я призван был к лыковскому столу в качестве консультанта. Показав, как режут арбуз, я сказал: ешьте, что красное. Когда через десять минут мы с Николаем Николаевичем заглянули в избу, то увидели: съедено и красное и белое, на столе осталось только зеленое.

В Москве для Лыковых передал мне посылку писатель Леву Степанович Черепанов. Он был тут в прошлом году, оставив хорошую по себе память в виде громадной кладки наколотых дров. Лев Степанович посылал мешочек скороспелой картошки и пакетики с разными семенами. Все приняв, Агафья тут же собрала ответный мешочек семян и села написать Льву Степановичу письмо.

На предложение начать рыть картошку Агафья ответила: «Проку не будет – в воскресенье нельзя работать». Николай Николаевич с Ерофеем после этого разговора удалились в тайгу с ружьем, а меня Карп Осипович пригласил в избу и достал с висевшей на веревочках полки бумажный свиток. Им оказалась присланная кем-то через Ерофея репродукция картины Сурикова «Боярыня Морозова». Судя по отпечаткам пальцев, картину Агафья с отцом прилежно разглядывали не один раз. «На муки везут...» – сказал старик, разглаживая картину крючковатыми пальцами. Я рассказал, когда это было, пояснил, кто тут сочувствует боярыне, а кто посмеивается над ней. «Да уж видно: кто истинный христианин, а кто подался в никонианство... На санях-то в Москве сейчас, поди, не ездят?» – спросил старик, сворачивая картину.

Обстановка располагала к откровенности, и я осторожно спросил: не жалеет ли Карп Осипович, что жизнь сложилась вот так, как есть? «А чё жалеть, жили как христиане...» Но, может, жалеет, что встретились с «миром», что жизнь, от которой они хоронились, подвинулась к ним вплотную? «Да нет, Василий Михайлович, за семь лет ничего дурного от людей не претерпели. Благодарение Богу – только хорошее познаем». Из разговора выяснилось,

что Лыковы опасались «гоненья на христиан». Облик боярыни Морозовой давал им сейчас реальную картину такого гонения. Но ничего подобного с ними не произошло. Сначала озадаченные дружелюбным отношением «мира», сейчас Лыковы принимают дружелюбие это как должное. Не переставая трудиться, во многом они полагаются на помощь геологов. Картошку, например, в этом году, несмотря на угрозу близкого снегопада, копать не спешат, дают ей дозреть в бороздах. Знают: обещали геологи прийти помочь, значит, придут обязательно. Геологи снабжают Лыковых солью, крупой (в этом году убедили перестать печь картофельный хлеб и взять в подарок мешок муки), снабдили геологи их одеждой, житейским инвентарем. Установка «помочь всем необходимым, ни к чему не принуждая», соблюдается неукоснительно. За семь лет на буровом участке сменилось несколько мастеров, но отношение к Лыковым, как к людям, попавшим в беду, стало традиционным. Об особом расположении к «подшефным» Ерофея Сазонтьевича Седова я немало уже говорил. Он навещает Лыковых регулярно зимою и летом. В этом году ему предложили повышение по службе с работой на другом участке. Отказался: «Бросить Лыковых не могу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.